

МИЛЕН САРТО

ИДУЩАЯ ПО КОСТЯМ

МИЛЕН САРТО

Милен Сарто

Идущая по костям

<https://litres.ru/74125128>

SelfPub; 2026

Аннотация

Волынское княжество, окутанное мраком древних лесов, хранит страшную тайну. Зоряна с детства слышит зловещий шёпот Старого Леса, сулящий гибель и вечную стужу. Теперь её судьба — это опасный танец на грани жизни и смерти, где один неверный шаг может разбудить древнюю тьму. Сможет ли она противостоять зову, перед которым бессильны даже боги? Или её душа станет оружием, способным погрузить целое княжество в вечную зиму?

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Сердце зверя, сердце девы.	7
Глава 1. Коловрат	7
Глава 2. Засеянное поле	23
Глава 3. Ящер	38
Глава 4. Лунница	48
Глава 5. Дерево	70
Глава 6. Волчья пасть	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Идущая по костям

Пролог

Кровь на снегу...

Багровые узоры, будто вытканые секирой Судьбы на белом полотне мира. Я шла, не чувствуя тела – лишь морозное дыхание Чернобога на своей шее, будто *Он* шёл за мной, наступая на собственные тени.

Холод...

Теперь я знала – это не просто стихия. Это дыхание моей души. Лед, что сковывал землю, трескался под моими шагами, словно кости под жерновами. Ветер выл старой плачеей над пепелищем, а вьюга кружила в танце, как души некрещеных младенцев на Купалу. Но даже их вой не мог заглушить тот звон в ушах – тишину после бури, что звенящей наледью выросла в мою грудь.

Кровь...

Алые росчерки на белом – будто руны, начертанные перстами Чернобога. Она сочилась с моих рук, капала на снег, как слезы Дажьбога в день осеннего равноденствия. Каждая капля шипела, выжигая лики богов в инее. Она цвела на снегу аленькими маками – теми, что растут на границе Нави и Яви. Мои руки, испачканные в ней, казались чужими – будто кости, обёрнутые в кожу, уже принадлежали не мне, а *Ему*.

И пустота...

Когда пепел оседает, остается только это. Я падала на колени в священных рощах, резала ладони обрядовыми ножами. Я кричала молитвы в ночь, разрывая глотку. Но боги молчали... Перун прятал лицо за громовыми тучами. Велес отворачивался, прячась в шкуру медведя. Макошь укрывалась пряжей судеб. Только тьма за спиной шевелилась – там, где звёзды гаснут, едва родившись.

Пепелище...

Деревня теперь – как курган без тела: черные срубы, обглоданные пламенем, иней на обугленных брёвнах, будто саван из паутины. Я подняла голову – и увидела рогатый силуэт меж берёз. Не тень. Не мираж. Чернобог. Его глаза – две проруби в вечность, а улыбка – как трещина по льду реки Смородины. Его дыхание дымилось синевой, как над прорубью в Крещение.

– Ты звал меня, – не сказала, а выдохнула стужу.

– Нет, – ответил Он. – Ты звала меня всю жизнь.

Я иду... Снег хрустит, как кости под жерновами Судьбы. Каждый мой шаг – новый узор на оконном стекле Вечности. За спиной – кровавый след, как дорожка из кизилевых ягод. Впереди – только лес и тот, кто звал меня всю жизнь. Там, где костяные пальцы елей смыкаются в вечную молитву. Снег под ногами чернеет, будто земля стыдится моего следа. Ветер рвёт волосы – точно руки утопленниц цепляются в прощании.

Зоряну – пепел, Морану – плоть!

И всюду снег...

И всюду смерть...

Часть 1. Сердце зверя, сердце девы.

Глава 1. Коловрат

Сегодня жизнь моя переломится – как ветка под ледяной рукой Чернобога. Сердце ныло от этого ещё с ночи, а ветер, что хлестнул меня на рассвете, лишь подтвердил: пришёл мой час.

О ветре сем шептались волхвы Холода. Говорили, будто он дует из щели между мирами, где томится бог теней. Его дыхание губило посевы, его свист будил мертвецов в курганах. Но ни один жрец не предрёк, что кончина мира придёт не в огне Огненной жатвы²¹, а в тихом удушье Белой смерти³². Я не знала этого. Да и знать не желала.

Лес затаился, будто зверь перед прыжком. Солнечные лучи – словно золотые нити Макоши – цеплялись за иглы елей, но не могли пробиться до земли. Туман стелился по траве, как души некрещёных младенцев, а где-то в чаще что-

¹ Огненная жатва - Название конца света, связанного с огнем. Пророчество о грядущем очищении мира через всепоглощающий огонь.

² Белая смерть - название конца, связанного с холодом. Древнее, несущее с собой вечный холод, голод и разрушение.

то щёлкнуло – слишком громко для дятла, слишком мерзко для живого.

Я знала эту тишину. Она висела надо мной в детстве, когда меня бросали в лесу «наудачу». Тогда я ещё верила, что в ней есть голоса духов. Теперь же слышала только собственное сердце – стучащее, как топор палача по плахе.

Я свыклась с этим. С тем, что никого со мной нет. Даже ворчливого старика Беримира, с чьей дружиной разбойников я провела недолгое, но счастливое время. Ведь даже отбросы ко мне лучше относились, чем родная кровь. Чем жители Ладожки...

Ладожка...

Это слово впилось в голову, как ржавый гвоздь. Я вспомнила руки приёмной матери – тёплые, пахнущие ржаным хлебом. Как она заплетала мне косы, рассказывая сказки о бабе яге.

“Не ходи в лес одна, дитяtko, – шептала она, – там мёртвые утянут норовят”.

А потом те же руки толкнули меня, тыча в спину факелом – в лес.

Даже разбойники Беримира, вонючие и грубые, были мне роднее, чем «чистые» люди Ладожки. Хотя бы они не притворялись.

Тишина давила, как снежный наст на груди утопленника. Но я научилась дышать сквозь неё.

Шаг. Ещё шаг. Ни единого хруста ветки – Беримир выбил

эту привычку из меня ещё в первую неделю.

“Ты не охотник, пока лес не забыл твоё имя...”, – бурчал он, заливая раны берёзовым дёгтем.

Нож в руке – старый, с выщербленным клинком, но острый, как обида. Не для вепря. Для *них*.

Пахло гнилью. Не просто падалью – чем-то древним, будто смерть здесь проросла корнями в землю. Я чувствовала этот запах ещё с Лапыни. Как будто мои ноздри выжгли тогда, навсегда отметив...

В Лапыни я смеялась над бабкиными сказками про навьих крыс. Пока не увидела, как они *ели тех самых бабок*.

Калман, мой соратник, кричал, когда когти впились в него, но не от боли, а от холода. Их пальцы были синие, как трупные пятна, а рты... Боги, их рты растягивались, как у сомов, обнажая костяные иглы. Я рвала их ногтями, а они смеялись – булькающе, будто через воду.

Теперь шрамы Калмана – как узлы на верёвке. Каждый напоминает:

“Ты спасла его тогда. Но кто спасёт теперь? Интересно, где он? Что стало с ним после того, как наши пути разошлись у мельницы?”

Я искала последователей Чернобога, этих тварей из самой преисподней, что вышли из лесного тумана. Староста любой деревушки сулил золото за их туши. Но мне нужно было слово. Всего одно – почему?

Почему первые упыри пришли в год моего рождения? По-

чему в Ладожке шептались, что мать нашла меня у леса – на опушке, где земля была чёрной, будто обугленной?

Я сжала нож. Найду одного. Разорву глотку. Заставлю сказать..

Солнце лизнуло мои волосы – чёрные, как смоль над погребальным костром. Только две пряди оставались белыми, будто пепел на углях. “Седина”, – смеялись в тавернах. “Метка”, – крестились старухи.

Шрам на щеке заныл – не от боли, а будто напоминая. Рука сама потянулась к нему.

“Шрамы украшают воина, Заря”, – говаривал Беримир. Заря. Зоряна.

Имя, которое теперь обжигало, как ложь.

И каждый раз, когда я вспоминала его, в груди щемило, будто кто-то сжимал сердце ледяной рукой. Раньше меня звали Зорькой – ласково, по-детски. Теперь это имя звучало как насмешка, будто его выкрикивали не дети, а тени из прошлого.

Я прикрыла глаза – и вдруг слышала голос из воспоминаний:

– Заря, ну где же ты? Мы же договорились! – писк Беляша, такой же назойливый, как комариный звон. – Ну Зорька-а-а!

Голосок звенел, как разбитая крынка... та самая, за которую матушка впервые ударила меня кочергой.

Но тогда, на поляне, я ещё верила в доброту. Я стояла посреди цветущего луга, словно в самом сердце липеня. Вы-

сокая трава, пестрела маками и васильками, ласково щеко-
тала босые ноги. Легкий ветерок доносил аромат нагретой
солнцем земли и диких трав. Я оглядывалась по сторонам, и
взгляд скользил по золотистым колосьям ржи, колыхавшим-
ся на горизонте, по кудрявым березкам, шелестящим лист-
вой, словно перекатывающимся о чем-то сокровенном.

Запрокинула голову и закричала:

– Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

Солнце лизало кожу, трава пахла мёдом, а ветер раздувал
мой сарафан — весь в заплатках, словно моя душа. Дети сме-
ялись, хватали друг друга за руки, и я думала: *“вот он, мой
мир. Настоящий.”*

А потом...

Я моргнула, сгоняя слезу. Шрам на щеке горел, будто ма-
тушкина кочерга всё ещё впивалась в кожу. Беримир врал:
не все шрамы — украшения. Некоторые — просто метки, как
клеймо на скотине. Напоминание: *“Ты была слабой. Большие
— никогда.”*

Я прижалась к стволу сосны, сливаясь с тенями, как насто-
ящий лесной дух. Кора впивалась в плечо, напоминая, что
я здесь не гостя — а хищница. Чувяла щекой тёплый ветер,
представляя, как после продажи шкур отправлюсь к неболь-
шому озерцу, чья вода, должно быть, уже хорошенько нагре-
лась.

– Наверное, даже вопри меня краше смердят.

Прикрыв ладонью глаза от утреннего солнца, осмотрела

ловушки. Ни одна не сработала. Пустые петли болтались, как повешенные.

– Эх... Опять шишки варить... Ладно, надо бы озеро проверить, обычно стадо вепрей в это время там пасется. – Пробормотала я, тут же стиснув зубы. Опять болтаю.

Эта привычка – говорить вслух с самой собой – могла меня убить. Но кто услышит? Вороны? Волки? Или те мертвецы, по чьи следам я столько вёсен шла?

Вспомнился случай с одной из шаек:

– Сами бы на себя взглянули! – Вспоминала себя я тогда. – Горюн вон вообще в мешочке носит засохшие глаза рыбешек и ничего! Хотя, нет... Я вспомнила того мужика с чесноком. Как он тыкал мне в лицо вонючими дольками, бормоча молитвы Велесу. Как я отрубила ему руку

– Странная ты, Зоря... – говорили мне бандиты.

А на утро ушли. Как и все остальные.

“Да и черт с ними!” – плюнула я под ноги и пошла к озеру.

Вольной жизни в лесу я радовалась, как сокол, сорвавшийся с цепи. Здесь не было мужиков с руками, жадными до женского тепла, их пальцы, шершавые от грязи, не цеплялись за мою одежду. Не было бабок-сплетниц, что пережёвывали чужие жизни, как жвачку, плевая чёрными семечками на землю, будто сеяли зло.

И не было капищ – этих гнилых ловушек для дураков. Не видела я больше ликов богов, вырезанных топором пьяного плотника, не слышала притворных стонов молящихся.

Я выплюнула веру, как прогнивший плод.

Перун? Пусть давится бычьей кровью – его гром не слышал моих криков. **Дажьбог?** Солнечный трус, отвернувшийся от моей тьмы. **Мокошь?** Бросила мою нить где-то в своей вечной пряже... Только лес остался. Тихий. Настоящий. Его ветви укрывали меня, как мать – дитя.

Но...

Что-то здесь было не так. Что-то не давало мне покоя.

Сколько себя помню – тень шла за мной. Не зверь, не человек. Она глядела из-под еловых лап, шепталась корявыми стволами. Мёртвые глаза следили за мной, но не трогали. Леший? Анчутка? Имя не знала. Но знала другое – он не опасен. А вот голос...

Он шёл из самой чащи, из-под корней вековых дубов-стражей. Хриплый, как скрип замёрзшего дерева, он шептал:

“И всюду снег... И всюду смерть...”

Эти слова въедались в кожу, как мороз. Они знали. Знало что-то, чего я ещё не понимала.

А лес вокруг... Он был прекрасен. Ни деревьев срубленных, ни тропинок топтанных. Ни знака, что человек тут бывал. Даже звери смотрят с дивом. Всё потому, что Чернобога и его выводков боятся. Кто знает, туман ли то простой, аль ведьмовской? Узнаешь лишь, как мертвецкая рука в нём встретится.

“Хоть бы кто в ловушку попался... Хоть один...” – поду-

мала я, глядя урчащий живот.

Под ногами стелился толстый слой мха, да иголки от листовенниц. Я сбросила лапти, чувствуя эту мягкость и пошла к озеру.

День выдался знойным, даже для серпня — самого жаркого за последние годы.

Воздух над поляной колыбался, как раскалённый металл, а солнце висело в небе, словно расплавленный щит Сварога. Я сбросила оленью шкуру — и тут же кожа покрылась мурашками от контраста: спина — мокрая от пота, грудь — обожжённая ветром.

Тело моё, белое, как береста после ливня, было иссечено шрамами — каждый рубчик будто метка лесных духов: вот длинный, как клык вепря — подарок от Беримира; вот круглый, будто след от угля — напоминание о костре в Ладожке.

Жнец — мой серп — обжигал пальцы, нагретый солнцем. Лезвие блестело, как зубы голодного волка. Я назвала его так в день, когда впервые перерезала глотку человеку. На дворе был такой же знойный серпень, как и сейчас.

Тогда кровь брызнула мне в лицо и я меня вырвало. Не от отвращения, а от стыда за содеянное. Потому что в последний момент он назвал меня *“Зорькой”* — как в детстве.

Сейчас я бы не задумалась. Сейчас я бы точила серп и смеялась.

Но этот проклятый серпень напоминал мне о том дне. Поэтому я сжала рукоять и пошла к кабанам — будто убийство

зверя могло стереть память о людях.

Стадо вепрей паслось в траве, выгоревшей до соломенно-го цвета. Кабаны хрюкали лениво, валяясь в грязи, уже затянутой коркой. Даже они страдали от зноя – обычно осторожные, сейчас не чуяли опасности.

Завидев их, присела, лук свой самодельный взяла, что за спиной висел, скрипя тетивой. Я следила, как кабанчики дикие, ничего не подозревая, по лужку своему гуляют, да травку сочную щиплют. Прищурилась, натягивая тетиву:

– Вот и попались, поросятки малые, – шепчу я, прежде чем первую стрелу пускаю в ближайшего малыша.

Не для того, чтоб убить его, конечно, хоть и хочется. А чтоб внимание привлечь к себе другого: мамы их, что стадо своё защищать готова. Шкура её, что на спине узором дивным покрыта, будет стоять на торгу, как двадцать зайцев. Прожить на те деньги можно, не охотясь, седмицу как минимум.

Взвизгнули кабаны, испуганные свистом стрелы. Дитятки кабаньи врассыпную по лесу, крича во всё горло. А мать их, огромные клыки ощерив, к моему счастью, прямо на меня и понеслась, злобно рыча.

– Ну давай, беги ко мне, обед будущий.

Биться с кабанами для меня, конечно, не так здорово, как зайцев или иных зверей ловить, но есть в том что-то веселое: всякая охота в догонялки превращается и в один большой вопрос: кто сегодня с жизнью распрощается, да на покой уй-

дёт? Я, аль свинья дикая?

Бегала эта скотина, конечно, пуще человека любого. Коль хотелось мне немного отдохнуть, да вепря дикого запутать, так я на деревья взбиралась и сидела там, строя морду кабану, да языки показывая. Так мы невзначай и забрели туда, где я ловушку кабанью выкопала, спрятав под листвой. И ушла на это чудо-юдо почти седмица!

– Главное, самой в неё не угодить! – весело кричу я. – Эй, кабанья харя, готова полетать?!

К счастью, сегодня охотник точно я: кабаниха, хоть и весом не мала, да размером огромна, в ловушку попалась и под землю угодила. И ведь то была не аль какая-то яма, а острыми кольями начиненная. Так что кабаньи крики были не долги, помер тот от потери крови почти так же быстро, как я с тарелкой грибной похлёбки управляюсь.

Кровь кабанихи растекалась по земле, густая и тёмная, как забродивший сок черёмухи. Дело сделано. Шкура будет отличной – только бы не испортить при снятии.

И тут услышала писк.

Из кустов вывалился кабанёнок – маленький, глупый, с ещё розовой шкуркой, покрытой светлыми полосками. Его глаза черные и влажные, как лесные ягоды, смотреть на меня без страха. Он хотел пуститься в яму следом за матерью. Не понимал, что с ней уже покончено. Моя рука сама потянулась к ножу.

“Одним движением – и мясо на ужин”.

Но вдруг...

Воспоминание ударило, как обухом:

Ладожка. Меня гонят в лес. За мной скулит щенок – рыжий, с белой лапкой.

– Уйди! – кричу я, швыряя в него палку. Он не убегает. Тогда я бросаю камень...

Кабанёнок поднял на меня глаза.

– Беги, дурень, – прошипела я, отбрасывая его ногой. – Беги же, свинья ты глупая!

Он завизжал и рванул в чащу, подпрыгивая, как заяц. Я смотрела ему вслед, сжимая серп, пока шум его бегства не растворился в лесу.

И только тут задумываюсь, как далеко убежала от саней своих, в которые кабана сложить хотела. Аж в другой части леса оставила.

– Странно, как ловушку ставила, теплее тут было, а теперь... Холод какой-то. – По коже моей побежали мурашки. Осматриваюсь вокруг, чтобы по деревьям понять, где оказалась, да тут ветер ледяной в спину задул.

Чувствую интерес: откуда ему взяться во время жатвенных лун? Полчаса назад от жары изнывала, а теперь...

“Боги... Холод в пору тёплую может значить лишь одно...”

Вся сущность моя в тот миг кричит, чтобы бежала с кабаном в другую сторону, подальше из той чащи.

– А впрочем... Что может приключиться со мной хуже,

чем уже бывало? — шепчу я, кутаясь в меха, что на поясе висят. Лапти, к сожалению, далеко оставила, так что ступни будут мерзнуть и дальше. — А если там упыри? Это ведь будет мой шанс.

Переборов сомнения, иду я навстречу ледяному ветру. С каждым шагом чувствую телом, как на холоднее становится. И тут же пожалела, что без обуви пошла — пальцы на ногах немеют от стужи.

Чем ближе к озеру, тем лютее холод. Словно я в миг в гущу зимы попала. Дыхание изо рта паром валит, а тело от дрожи трясется. Но любопытство сильнее, и я всё иду вперед.

И тут глаза от удивления округляются:

— Белая смерть... — только и могу выдохнуть вместе с паром.

Передо мной поляна с небольшим озером. И всё вокруг льдом покрыто. Стволы деревьев пополам переломаны, словно что взорвалось, заморозив всё вокруг.

Воздух здесь, кажется, наэлектризован и заколдован одновременно. Не могу объяснить, спроси меня кто, но чую кожей — особая сила здесь витает. Трудно вздохнуть полной грудью, чтоб лёгкие не поранить мелкими льдинками.

— Ну хоть рубец зудеть перестал, — усмехаюсь я, с удивлением озираясь.

Иду, глазам своим не веря. Сейчас время жаркое, а я по поляне ступаю, льдом да снегом покрытой. Но что-то... Что-то меня ужасом сжало. Не холод тот непонятный и не деревья

поломанные. Что-то, что я пока не видела.

И тут я почувствовала то вместе с ветром ледяным, что в лицо ударил. Увидела, что не только растения да вода здесь есть.

Заметила я несколько зверей, замертво застывших, в ледяные изваяния обращённых. Птицы, мимо летевшие, на земле лежат. Сердце кровью облилось, когда подошла к одной из ворон упавших, глядя в заледеневшие глаза.

– Ах! – обернувшись, вижу человека, тоже во льду скованного. Княжеский боец, лук в руках держит. Не ведаю, что он узрел, но ясно – ужасное что-то: лицо его в крике застыло. Незнакомец тот оружие держит, на кого-то направив, выстрелить готовый.

– Не успел, бедняга... – с сочувствием произношу я. – Великие... Что же здесь стряслось?

Осматриваю я место с ужасом, и тут замечаю, что, кроме серебристо-голубых оттенков, есть ещё один цвет. Меня мутит, но, к счастью, с утра я ничего не ела, так что не тошнит. Сразу чую запах, надеясь, что это остатки от кабана, но нет.

Среди снега тропинка кровавыми стопами проложенная. Следы то близко, то далеко. На некоторых деревьях багряные отметины от рук, будто тот, кто их оставил, шёл, за стволы держась, чтоб не упасть. Размер ноги небольшой, и я сначала подумала, что это ребёнок прошёл.

– Коли кто ранен серьёзно, то далеко не ушёл... Может, знает, что здесь стряслось?

И тут, коснувшись отпечатка на дереве я странное ощутила. Перед глазами – словно память чужая:

Дева... Явилась из ниоткуда, словно вспышка, словно умирающая звезда, падающая в бездну. Неровное дыхание, как предчувствие бури, разорвало тишину, нарушило гармонию леса. Страх, ледяной хваткой сжавший рёбра, но большее – кашель, перемешанный с кровью, он был повсюду, леденил самую душу. Следом за ней – лес, застывший, скованный льдом, погружённый в вечный сон. Цветы лилий, что до этого танцевали свой весёлый танец в солнечных лучах, мгновенно замерли, обличившись в ледяную броню. Тонкие, красноватые от крови пальцы, тянулись ко всему, что попадалось на пути: к шершавой коре могучих деревьев, к нежным листьям, к колючим кустам шиповника. И всё, чего касались эти пальцы, мгновенно замирало, превращалось в лёд, словно теряло всякую жизнь. Птицы, чьё пение раньше напоминало мелодию флейты, в ужасе смолкли. В панике они пытались вырваться из ледяных тисков, но не успевали, ведь сила холода, смертоносная и неумолимая, настигала их, сковывала льдом, заставляла падать на землю бездыханными. Шаги девы оборвались, когда в ноздри ворвался запах смерти, гнилостный смрад, леденящий душу. Она обернулась... Лучник, узнавший её... Княжеский лучник, что пришел по её душу за всё, что она сотворила...

И тут, выныриваю из видения. Я с криком отскакиваю от дерева, тряся головой, словно пытаюсь избавиться от нава-

ждения. Смотрю на свои руки, ощупываю волосы, пытаюсь убедиться, что это всё не сон:

– Так... Это я... – шепчу я, ощупывая спутанные пряди волос, которым бы не помешала помывка от паразитов. Сердце бешено колотится в груди, и я, повторяю себе, чтобы хоть немного успокоиться – Это моё тело... Это моё тело...

Не могу я в себя долго прийти, не понимая происходящего. Несмотря на сильнейший испуг, интерес ударяет в голову, отчего просыпается желание узнать, что же дальше будет. Хочу пойти я по следам, но, взглянув на всё ещё раз, сжимаю кулаки.

– Дитя то проклято с рождения, ясное дело. Ты знаешь, как оно было то? Её младенцем нашли в лесу, да в такую метель лютую, что кони наши врассыпную кинулись, кто куда. Словно сами черти на свадьбу гуляли. – Зубоскалит одна старуха с морщинистым лицом с глубокими складками, словно кора старого дерева.

– А имя-то какое дали... Зоряна! Ха, да разве в имени дело, коли дитя само тьмой помечено? Не спасло её светлое имя от проклятия божьего. Вы слышали? В соседнем селении твари явились из тумана, а страшенные – жуть! – Подхватывает другая, сплевывая пожеванную траву на землю. Ее голос скрипит, словно старая телега.

– Грех, конечно, так говорить о малом дитя, – шепчет третья, но в голосе её нет уверенности. – Может, ещё отмолятся... Вон, каждый день в капище ходит, прощения у Богов

просит.

– Отмолится?! Да она с пеленок на беду тянет! То у коровы молоко пропадёт, то в амбаре мыши разведутся, то деревню нашу весь урожай побьёт! Все беды от неё, от Зоряны этой проклятой! – Голос первой старухи становится громче и злее. — Лучше бы её ещё тогда лешему скормили, дабы не мучаться нам теперь!

– Точно сказано! Видно, не зря у Аннушки то молоко всё пропало! Знак то был! А мы, дуры старые, пожалели её, приютили... На свою голову.

Слушаю я их слова, сквозь щель в заборе подглядывая. Сердце кровью обливается, а в горле ком стоит. Хочется закричать, доказать, что не виновата ни в чем, что я хорошая, что хочу быть полезной... Но знаю, что бессмысленно. Что бы я ни сделала, всегда буду для них проклятой, источником всех бед. И от этих мыслей в душе поселяется холод и злость...”

Думая обо всём том, я разворачиваюсь да быстрыми шагами как можно дальше от места того замерзлого ухажу.

– Даже если это... И вправду Белая смерть... Даже если миру этому конец пришёл, что с того? – Фыркаю, себя убеждая. На бег перехожу, чтобы от мыслей навязчивых избавиться. – Даже если миру этому прогнившему конец пришёл, меня то не касается.

Глава 2. Засеянное поле

«Ежели жєнушка твоя чадо потеряла, не выносив, так нареки ему имя, да схорони по обычаю, со всеми почестями. Иначе восстанет мертвяк сей, и услышишь ты в глухую ночь скрежет когтей по земляному полу, да такой, что в жилах кровь стынет. Не домовой то будет, ласковый, что молочка парного да краюхи хлеба просит. То не духи предков, в стенах сих почивших. То дитя твое, упыреный ненасытный, кровью мертвой жаждущий, из утробы матери украденный. Берегись пуще огня, соблюди всё, как старики сказывали, а не то встретишься с Игошей в кромешной тьме, да не в избе теплой, а в погребе смрадном, где черви землю точат. И тогда уж не надейся на силу свою, а молись, чтоб милосерднее она оказалась... ибо не осилить тебе тварь сию...»

– Три сребреника?! Да чтоб тебя леший утащил! – Голос мой, кажется, на весь базар разнесся. – Ты совсем страх потерял! Думаешь, я тебе этого вепря за три гроша отдам, а сам наварись, как на похоронах?! Да чтоб... Чтоб тебя кики-мора в болоте задушила!

Старгородский торг гудел, словно пчелиный рой, потревоженный палкой. Крики торговцев, брань покупателей, ржание коней, бляение овец – шумно, тесно, аж не протолкнуться, хоть локтями расталкивай, да уши закрывай! Пряники

медовые, да такие душистые, что слюнки текут, петушки сахарные, словно солнышко ясное, украшения деревянные, искусной рукой вырезанные, будто лес сам в них ожил, ожерелья из жемчуга речного да ракушек заморских, на солнце переливающиеся всеми цветами радуги, зелья целебные, отвары травяные, от всякой хвори да напасти – глаза разбегаются, всего отведать да руками пощупать хочется.

Любила я Старгород, возле которого охотилась, за самый богатый и яркий торг во всем княжестве Волынском. Чуть не каждый день – ярмарка али праздник какой, веселье да гулянье. Краски тут – как в ночь Купалы у костра, да огнива в глазах пляшут! Так хотелось хоть раз насладиться всем этим в полную меру: будь у меня больше злата в карманах, будь я какой-нибудь барыней – то и дело бы гуляла здесь да вещички прикупала.

А сейчас стояла я у мясных рядов, где смрад крови да тухлятины в воздухе висел, да так густо, что аж зубы сводило. Охотники, обвешанные дичью, словно лешие добычей, сбывали свой товар торгашам жадным, кто за сребреники, а кто и менял на кусок сала, да кишки вонючие. У меня-то, слава Богам, с пропитанием и шкурами волчьими нужды нет, а вот звонкой монеты – как всегда, кот наплакал.

– Извини, Зорька, времена нынче лихие, охотников развелось – как волков в голодный год. Не диковинка нынче, добыча то твоя, – Тамир, мясник этот, плечами пожимает, а то сам ухмыляется, словно черт на исповеди. Деньги, значит,

убирает, да с таким видом, словно мне одолжение делает. По коже его загорелой пот струями бежит, словно роса по утренней траве, да он его платком своим цветастым, с узором диковинным, вытирает, будто от наговора какого оберегается. – Сам в убытке. Нынче каждый второй кабана притащил. Не нравится, иди к Семёну, посмотрим, сколько он тебе даст!

«Ага, вижу я, как исстрадался ты весь. Одежды то новые прикупил, заморские, да камнями драгоценными обвешался. И супругу твою я видела, словно барыню одетую – похорошела, вся в дорогих мехах, да жемчуге...» – думаю я, кусая себя за язык, дабы не высказаться об этом вслух.

– Да ты с ума сошел! Мы с тобой, Тамир, почитай, вёсен семь уж торгуем!

– Ага, и все семь вёсен ты вечно недовольна! Бери три или ищи другого дурака. – Тамир аж побагровел весь, словно Перун грозовой. Щеки его кровью налились, будто закатное солнце в крови утонуло.

Чую, базар весь затих да на нас уставился, словно на медвежью потеху – купцы лавки побросали, бабы с лукошками замерли, ребята, пряники облизывая, рты разинули, да еще и боярыни нарядные стайками собрались, перешептываются, глаз не сводят. Стыдно, конечно, да что поделать? Сколько сил да крови с этими вепрями пролила: из ямы ледяной несколько часов вытаскивала, спину сорвала – не для того, чтоб за гроши медные их отдать!

– Да я этим вепрем месяц сыта буду, шкуру на тулуп теп-

лый пушу, а на твои сребреники и на три дня харчей не выкуплю! Разве что краюху черствую, да луковицу гнилую! – От ярости аж челюсти свело, словно у волчицы перед броском, пальцы зачесались, так и хотелось в глотку ему впиться. Но держусь из последних сил.

– Не обессудь, милая. Надо было зверя добывать пожирнее, да шкуру драгоценную. Соболя, к примеру, или куницу чернобурую, – Тамир рожу скривил, аж выворачивает наизнанку, щеки отвислые трясутся, а глазенки бегают, словно крысы в норе. Плешь его на солнце блестит, как медный пятак начищенный. А рубаха на брюхе необъятном на ниточке держится. Вот-вот лопнет, да пуговицы по базару разлетятся. Злоба душу жжет, огнем опаляет. Так бы и перемахнула через прилавок, да в морду ему сальную плюнула, чтоб не смел так ухмыляться. Да нельзя. Нельзя слабость показать, нельзя ему знать, как деньги мне эти позарез нужны. Лишь стиснула кулаки, чтоб дрожь не выдать.

«Ага, – думаю, – ищи тебе, а не вепря! У него таких охотниц, как я, как комаров в болоте, на каждую твою усмешку найдется с десяток желающих дичь принести. Без моей дичины он не обеднеет. А вот мне без его денег – петля, голодная зима и пустые карманы... А зима уж скоро...»

Злюсь, аж искры из глаз сыплются, да землю каменную взглядом сверлю, словно ведьма, наводящая порчу. Несправедливо! Столько годков с ним вожусь, дичь ему, как на блюдечке, подношу, самую свежую, самую лучшую, а он со мной,

как с последней нищенкой, да еще и насмехается. Как будто и не было ничего. Как будто не делили мы с ним хлеб и соль в трудные времена. Как будто не я помогала ему вначале его пути, мясо искала кому сбыть подороже, да доставала всегда самые сочные тушки точно в срок. Будто не я помогала прокормить его семью, когда у них самих не было и гроша. А теперь...

Теперь он всё в прах развеял.

Видно, Старград, словно омут тихий, кого захватит – век не отпустит. Своими обычаями лихими всех меняет, перекраивает на свой лад. Недаром его градом Солнца кличут, да золотыми куполами славят. Да только солнышко то – дорогое, ох дорогое! Налоги тут такие, что впору волком взвыть! С каждого купца княжеские молодчики по трети от выручки дерут, да все в казну несут, будто дань поганую. А князь наш, дай Боги ему здоровья, только на Старград злато и льет, чтоб тот сиял, словно жар-птица, да на сыновей своих ненаглядных, чтоб те в шелках ходили.

«И вот из-за налогов этих все купцы и ожаднели до ужаса! За каждую монету грызутся, сидят на своем злате не выданном, как жабы довольные. А мы голодаем...»

Плечи болели от тяжести. Я так устала от этого всего: от охоты, от выроdkов лесных, ещё и в лесу изморозь неясная... Голова кружилась. От жары всё тело было покрылось противным липким потом. Тамир уже переключил внимание на очередного покупателя, даже не смотря в мою сторону.

“Погань торговская! Ты этим делом заниматься начал благодаря мне!” – Я хотела развернуться и плюнуть эти слова в лицо Тамиру, но внимание привлекло другое, отчего в груди разлился жар, а кончики пальцев нестерпимо зачесались.

Меня привлек звук золотых монет, стучащих друг о друга в толстом кошельке у прохожего. Дорогие украшения из изумруда, покрывавшие шею богато одетой дворянки. Привлек соболиный мех, украшавший чей-то тулуп.

Каждый раз, когда с дичью были проблемы и мне мало платили: то недостаточно свежая, то повреждённое охотой мясо, у меня сам собой просыпался другой способ добычи монет. И сейчас я очень хочу к нему прибегнуть глядя на богачей вокруг в расписных кафтанах.

А ещё при взгляде на них, внутри заклокотала злоба и ненависть ко всем. Ко всем, кто не делая и в половину того, что я, живет лучше лишь потому, что им повезло. Повезло родится чистыми от божьей кары. Повезло, что от них не отреклись родичи.

Долго я уговаривала себя не буяннить, но больше терпеть такое отношение не могла.

“Ну, ежели всё равно грядет Белая смерть... Терять то мне больше нечего!” – подумала про себя, прежде чем отпустила веревки от санок с вепрем.

– Знаешь что, Тамир! – Воскликнула я, повернувшись к купцу. Тот ещё не договорил с покупателем и вопросительно посмотрел на меня. Да еще с таким взглядом, будто я нечисть

треклятая, от которой разит мертвечиной. – Иди ка ты к Лешему со своими тремя серебряными, я не для того ловила эту громадную тушу! Не для того я руки испоганила, роя ловушку для него. И не для того мозоли кровавые заработала, таща его к тебе с первыми лучами! К лешему тебя и твою лавку!

Взглядом заметила, как вокруг нас люди столпились пуще прежнего. Все переговаривались шепотом, обсуждая происходящее. Тут и там были слышны охи и ахи, но мне было уже все равно.

– Что это за наглость, так разговаривать с теми, кто вам платит, а!? – Возмутился почему-то покупатель, вместо торговца. Мужчина был одет в дорогой кафтан, расшитый золотыми нитями. Но Тамир тоже негодовал – его бычья шея начала краснеть и пухнуть от обилия вен.

– Яров, не обращай внимания на эту бродяжку, ходит тут постоянно мне что-то втиснуть пытается. То белку протухшую, то собаку бродячую, теперь кабана где-то нашла. Украла, небось, у кого-нибудь!

– Тогда тем более не понимаю, как ты позволяешь этой попрошайке вообще с собой не то, что в таком тоне, а вообще разговаривать! – Когда мужчина в кафтане развернулся, я увидела у него на груди рубин размером с перепелиное яйцо на золотой цепи. – Я бы на твоём месте позвал стражников, чтобы отогнать от своего прилавка эту разносчицу блох. Кстати, а они ведь и неподалеку тут. Гляди!

Яров указал рукой в сторону толпы. Я тоже взглянула туда. К ярмарочной желтизне добавились и блеск топоров с красными одеждами. Видимо, наша перепалка привлекла внимание не только случайных прохожих, но и стражи княжеской. А, пусть! Пусть увидят и передадут всё Святославу Волынскому. Может, хоть так найдется управа на этих обнаглевших купцов. Но все-таки, не хотелось бы попасться им. Ведь иначе в темницу уйду, да выбраться уже оттуда не получится.

— Ну знаешь, Яров, в наше непростое время нужно помогать и такому отребью, как она. — Тамир улыбнулся так широко, что стоило удивляться, как у него не свело от этого чепухи.

Чем больше я слушала их диалог, тем больше удивлялась двуличности Тамира, о которой и не подозревала.

— Отребье значит? — Я сжала кулаки настолько сильно, что будь я без перчаток, так и сломала бы себе обледеневшие пальцы! Медленно приближалась к Тамиру, словно волчица, которая напасть, на что тот лишь усмехнулся. — ты... Ты хуже тварей, что из тумана выходят! Ведь благодаря мне и моей охоте этим промыслом занялся! Я помогала тебе столько лет!

— Тамир, она кажется белены объелась! Ты смотри какая, а! Благодаря ей твоя лавка открылась! — Яров рассмеялся так громко, вытирая ненастоящие слезы. А потом он раздвинул руки широко-широко. — Эй, люди добрые, вы слышали!?

Наш Тамир, который занимается мясным сбытом уже больше десяти лет, обязан по гроб этой блохастой бродяге за её заслуги и... – Он презрительно плюнул в кабана, которого я держала на санках. – И её бесценной дичи.

Люди, стоящие чуть поодаль и слышащие перепалку с самого начала, громко загоготали, показывая пальцем то на меня, то на Тамира. Я услышала откуда-то посвистывания со словами:

– Так их, этих бездомных!

– Почему вообще стража допускает их на этот рынок, а? Ещё заразят нас непонятно чем.

– Так это ещё что! Ты того и гляди, чтобы из твоих вещей ничего не пропало, глаза то хитрющие у них!

Смешки и издевки посыпались на меня со всех сторон. Я снова почувствовала себя той маленькой девочкой, в чью сторону тыкали факелами с криками: порченная, порченная, порченная!

Я закрыла глаза, чтобы спрятать ото всех непрошенные слезы. Только не сейчас, только не при всех! Скоро я сбегу, спрячусь где-нибудь и там смогу дать волю чувствам. Тогда смогу дать съедающей печали и одиночеству продолжать разрушать меня сильнее и сильнее, но не сейчас.

– Именно благодаря мне этот человек продает вам мясо. – Я широко улыбнулась, несмотря на подступающие к глазам слезы. После этого указала пальцем на Тамира. – И кстати, ты им разве не говорил, что никогда и никому не продаешь

свежее мясо, а в первую очередь забираешь себе, а? Если вдруг кто-то находил в твоём мясе личинки, то ты, Тамир, обвинял покупателей, а не свою жадность!

– Л-л-личинки? – Запинаясь, проговорил кто-то из толпы.
– Так вот как ты поступаешь со своими постоянными покупателями!

– Мало разводить здесь блох, ты ещё и брехать на меня будешь!? Да я твою дичь больше и в жизни видеть не хочу, как и тебя саму, отщепенка! Недаром тебя из Ладожки то выгнали, лишь бы ребенка на костре не жечь, а!? Что, сказать то нечего на это, ведьма? А ну проваливай отсюда, покуда стражники тебя на костер не пустили! – Тамир быстро встал, раздираемый гневом. Это было как раз то, что нужно.

«Он рассказал... Всем рассказал, что меня изгнали, несмотря на обещание не говорить... Ну и погань же ты, Тамир... Надеюсь, что утопцы схватят тебя где-нибудь у реки, да не спасешься ты больше... Не сделаешь вдоха ты не единого...»

Я встала, словно собираясь танцевать и грациозно поклонилась, припав к земле. После чего резко подняла кабана с саней, кинув его с размаху в мясную лавку и стоящего там Тамира.

На рынке начался полный переполох. Люди кричали и бежали, кто куда. Стража, до этого молчаливо стоявшая, направила на меня топоры и клинки. Тамир пытался подняться из-под тяжелой туши кабана, но его поверх завалило и

остальными деликатесами. И почти все люди до единого показывали на меня пальцами, шепча:

– Она... Она... Кабана как пушинку швырнула! Это ж нечистая сила!

– Перун, помоги нам... Она ведьма... Я сразу чуюла это! Взгляд у нее недобрый был!

– Да бросьте, просто злющая баба...

– А я слышал про Ладожку... Её ж оттуда из-за порчи выгнали! Скот у людейдох, словно мухи!

– Да заткнись ты, Гаврила, ты сам вчера моего гуся украл!

– Мы, три мужика, не могли поднять такую тушу, а она его, так ещё и бросила на такое расстояние! Это ведьма! Слуга Чернобогова!

Словно стрела, пущенная из лука, понеслась я по торжищу кипящему. Сердце в груди стучало, словно бубен шаманский, вот-вот выскочит наружу. В спину мне летели вопли да проклятья, гналась за мной толпа обезумевшая, словно черти из пекла. Блестели на солнце секиры, звенела сталь. Стражники, псы княжеские, за мной по пятам гнались.

– Ведьма! Ведьма! Ведьма!

– Огнем её, огнем! Дабы очистительное пламя пожрало скверну!

– На костер её, на костер! Дабы Перуну жертву принести!

Страх, словно змея ледяная, горло мне сдавил, дышать не давал. Знала я, что коли в руки им сдамся, то ждет меня участь лютая...

“Сожгут живьем, как ведьму старую! Стоит споткнуться – и поминай как звали, останется от меня лишь горстка пепла да кости обугленные...”

Резко я за угол свернула, да ноги сами понесли, будто бес вселился. Знаю, что укрыться мне надо, в нору забиться, да передышку себе дать. Да только в граде сем людно, да тесно, где от погони спрятаться?

Неслась я по рынку, словно лист сорванный, ветром гонимый. Крик людской за мной по пятам гнался, грозя пожрать меня в ярости своей. Сердце в груди билось отчаянно, и каждый вздох давался, словно последняя капля живой воды в жажду. Коли схватят, знала я, пощады не будет.

В отчаянии глазами шарила, будто утопающий за соломинку хватается, ища хоть искру сочувствия, да видела лишь ненависть да злобу. И вдруг узрела я молодца, что в окружении стражи стоял.

Кудри у него, будто лен, светлые, по плечам рассыпаны, и глаза зелёные, аль лес весенний, да так и влекут к себе. Красавец, глаз не оторвать, и хоть помри сейчас и не страшно вовсе. Кафтан на нем красный, расписной, золотом шитый, будто огнем горит. Знамена дивные на кафтане том вышиты, солярные знаки древние, да птицы невиданные.

И тут, будто Велес шутку сыграл, толпа меня настигла. Руки грязные потянулись ко мне грозя утащить на костер проклятуший. Завопила я от страха, как раненый зверь.

И вдруг почувствовала сильный рывок. Чьи-то руки вце-

пились в меня, и я рванулась прочь, ожидая удара. Но вместо цепи на запястье – теплая хватка, тащащая меня сквозь толпу. Очнувшись, увидела я перед собой того молодца с глазами зелеными. Он смотрел на меня так, будто я диковинная зверушка. Его лицо было напряжено, а в глазах – решимость.

– Пропустите! – словно сталь звякнул голос его, да так, что стража, словно трава под ветром, расступилась.

Я продолжала вырываться, да так отчаянно, словно на смерть шла.

– Не дергайся, дура! – Прошипел над ухом мужской голос. – Аль на костёр хочешь?

Он протащил меня сквозь толпу, словно ладью сквозь бурные волны. Люди вопили, тянули ко мне руки, но стража стояла стеной, словно верные псы, защищая своего господина. Молодец двигался уверенно и быстро. Привел меня в проход темный, меж домов, где сыростью да землей тянуло. Толкнул меня вперед, шепнув на ухо:

– Уходи, пока не опомнились. Беги же, ну!

Голова кругом шла, будто во сне всё происходило. Лишь успела на него того взглянуть, а в глазах у парня огонь какой-то неземной горит, словно знает он про меня то, чего я и сама не ведаю.

– Спасибо... – выдохнула я, и, юркнув в темноту, почувствовала, как холод сырой земли коснулся моей спины. Облегчение волной окатило, будто после долгой болезни. Вырвалась! Снова на свободе, а остальное – дело наживное.

В переулке царила густая тьма, лишь слабый луч света проникал откуда-то сверху, рисуя причудливые тени на стенах. Я прижалась спиной к холодной стене, пытаюсь отдышаться и унять дрожь в коленях.

Благодарность... была ли она искренней? Скорее, смесь осторожности и облегчения. Кто он такой, этот парень, что так смело за меня вступился?

Княжеский ли сын, дворян или просто блаженный – какая теперь разница? Главное, что я жива.

Вдруг пальцы мои невольно сжались, и я почувствовала что-то гладкое и холодное в руке. Медальон! Неужели я успела его стащить? Хитрая улыбка тронула мои губы.

– Не пропадать же добру... Пригодится.

Осторожно спрятав медальон в карман, я огляделась по сторонам, стараясь разглядеть хоть что-то в темноте. Пора двигаться дальше. Знает ли молодец тот, что сотворил? Кого он спас? Слышал ли, как меня торговцы да все остальные кличали? И какую цену мне придётся заплатить за его помощь?

Я украдкой обернулась. А он стоял там, словно истукан, да улыбался загадочно. Глянул на толпу, что еще бурлила неподалеку, да и молвил властно:

– Разойтись! Здесь не на что смотреть.

И людь тот, словно замороженный, давай расходиться, словно ветром сдуло. А молодец тот остался стоять, словно князь, что владения свои озирает. Что у него на уме? И чего

ради он меня спас? То лишь Макоши известно...

Глава 3. Ящер

Когда-то мой дед, а ему его дед рассказывали, что весь наш род всегда находится подле нас самих. Они следят за нами, радуются вместе с нами, грустят, а главное – всю жизнь находятся вблизи, чтобы в трудные моменты показать правильный путь. Но помни, помощь предков не дается даром. Каждый наш поступок, каждая наша мысль отражается на них. Чти их память, следуй их заветам, и они укажут тебе верный путь. Забудь о них – и заблудишься во тьме.

Топот сапог стражников, словно барабанная дробь, преследовал меня даже тогда, когда я уже вырвалась за городскую черту. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из клетки рёбер, а в горле стоял вкус железа — страх или усталость, я уже не различала. Ноги сами понесли меня прочь от каменных стен, к знакомым тропам, где воздух пах не жареным мясом и потом толпы. Здесь воздух был совсем другим: пахло домами деревянными, дымом от печей, свежестью речной воды и дальней грозой. Только здесь, на окраине, я позволила себе остановиться, оперевшись о берёзу. Крики торжища остались далеко позади, но в ушах ещё звенело: “Ведьма!”

Взгляд мой упал на гурьбу детишек, играющих прямо у дороги. Они весело гоняли тряпичный мяч, не обращая ни-

какого внимания на мои оборванные одежды и испуганный вид. У одного была разодрана коленка, у другого – чумазое от грязи лицо, а третий смотрел на мир взрослыми, не по годам серьезными глазами. На мгновение я даже забыла о преследователях и завистливо подумала об их беззаботности. Словно не ведали они, что мир полон лиха да горя, словно не чувствовали надвигающейся тьмы.

Но долго любоваться мне не дали.

– Эй, тетка! Ты чего тут стоишь? – окликнул меня самый смелый из мальчишек, семи вёсен от роду. Подошел ко мне, разглядывая большими, невинными глазами. Одет он был в рубаху холщовую да штаны простые, залатанные не раз, а нашее – ладанка с ликом святого.

– Да так... – пробормотала я, отводя взгляд. – Просто... заблудилась.

– Заблудилась? А ты откуда? Мы тебя тут раньше не видели, – не унимался мальчик. – Ты не из наших краев, видать. Ой, а серп то какой у тебя... Я такой у папеньки видел, когда он на поле работать идёт. Ты тоже с полей?

Нужно уходить. Чувствую, как по спине ползут мурашки, предчувствие недоброе.

– Не важно, – ответила я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Спасибо, что помог. Я пойду. Да хранит вас Велес!

И, не дожидаясь ответа, я быстро зашагала прочь, в сторону леса, видневшегося на горизонте.

“Пусть думают, что я просто странница, – твердила я себе. – Главное, чтобы они не сообщили обо мне стражникам”.

Проходя мимо покосившихся изб, от которых несло гнилью и сыростью, я слышала приглушенные голоса. Две старухи, сморщенные как печеные яблоки, сидели на лавочке у ворот, словно две вороны на кладбище, и шептались, злобно поглядывая на меня. У одной был выбит глаз, у другой – бородавка на носу, размером с вишню. Одеты в рваные платки, руки скрюченные – словно корни старого дерева.

– ...ой, совсем страх потеряли! – бормотала беззубая старуха, ковыряя кривой палкой грязь между камнями. – В Верескове-то, слышь, опять люди пропадают. Третью неделю, как Митьку-дровосека нашли у болота – весь синий, а в груди дыра, будто зверье разодрало. И не он один!

– Молчи уж, – кряхтя, перебила вторая, крестясь. – А то накличешь эту нечисть сюда. Говорят, оно по ночам ходит, из тумана выходит...

Их слова, словно ледяной ветер из могилы, обдали меня. В груди похолодело, а сердце сжалось от страха. Кто-то смотрит. Чувствую кожей – сверлят взглядом, будто хищник добычу высматривает. Ускорила шаг, стараясь не думать о том, что слышала, заглушить зловещие слова. Лес, казалось, манил меня своей прохладой и тишиной, обещая убежище от чужих глаз.

Деревья, словно великаны, стояли на страже, укрывая ме-

ня от чужих глаз. Их корявые стволы, будто руки скрюченные, тянулись к небу, а корни глубоко уходили в землю, словно удерживая мир от распада. Солнце едва пробивалось сквозь густые ветви, создавая причудливые тени на земле, похожие на танцующих призраков. Чем дальше я уходила вглубь леса, тем становилось тише и темнее. Запах хвои и сырой земли проникал в легкие, напоминая о вечном круговороте жизни и смерти.

Звериные тропы петляли меж деревьев, словно нити судьбы, ведя меня к моей цели. Я шла, стараясь не сломать ни одной ветки, не спугнуть ни одного лесного обитателя. Знала, что в лесу нужно быть осторожной и уважать его законы, ведь здесь я – гостья, а не хозяйка.

Наконец, сквозь деревья промелькнул просвет. Я вышла на небольшую поляну, в центре которой стоял старый, покосившийся дом. Этот дом был моим убежищем, тайной, которую я никому не доверю. Нашла я его давным-давно, когда совсем еще девчонкой была. Сначала только иногда ночевала здесь, от людей пряталась, да от лихолетья всякого. А потом заметила, что кроме меня в этих стенах никого и не бывает. Даже домовый покинул место это, без хозяев хороших. Так и присвоила себе. С тех пор место это стал моим домом.

Он был обвешан шкурами зверей, которые я добыла сама, и пучками сухой травы, собранной на болотах, словно старым тряпьем, защищающим от злых духов. Вокруг дома

были воткнуты колья, на которых красовались черепа животных, выбеленные солнцем и ветром, словно безмолвные стражи. Крыша прогнила, и сквозь дыры виднелось серое небо. Стены потрескались, и ветер гулял по дому, словно неприкаянная душа. Окна зияли черными дырами, словно глазницы мертвеца, заглядывающего в мою душу. Внутри пахло плесенью, землей и сухими травами – запахом смерти и забвения. Здесь я буду в безопасности. Здесь я смогу спрятаться от всего мира.

Прежде чем войти внутрь, я подошла к самодельной мойке, устроенной под старым дубом. Это было простое корыто, выдолбленное из грубого бревна, с приставленной к нему шаткой скамеечкой. Осторожно поливая на себя воду из ковшика, я смыла с кожи запах рынка, пота и страха. Вода была обжигающе холодной, словно сам Чернобог коснулся меня своими ледяными пальцами. Кожа покрылась мурашками, а зубы начали стучать. Но эта свежесть приносила облегчение, смывая не только грязь, но и липкий страх, что сковал меня на торжище, словно цепями. Смывала запах охоты, смывала злость, что бурлила во мне, когда я кинула кабана в Тамира. Вспомнились мне и кабаны, что гоняла я в лесу рано утром. Тогда лес был щедрым да приветливым, а теперь... словно ядовитый гриб, что красотой манит, а смерть таит.

– Словно зверь загнанный. Все бегу да бегу. Когда же это кончится? – прошептала я, вглядываясь в свое отражение в мутной воде. Бледное лицо, глаза, полные тревоги и усталости.

сти.

В голове всплыли лица: злобное лицо Тамира, искаженное гневом; испуганные глаза горожан, что шарахались от меня, словно от чумы; загадочный взгляд молодца, спасшего меня, мелькнувший, словно призрак. А ведь сколько раз я давала себе слово, что оставлю эту жизнь. Буду жить спокойно, тихо, как все нормальные люди. Тогда ведь с Калманом из-за этого и разошлись: он хотел тишины, а я... Я лишь хочу узнать, за что всё это мне. За что Боги прогневались на меня ещё с рождения.

Обойдя дом с задней стороны, я достала из-под навеса, прикрытого берестой, связку дров, приготовленных еще с осени. Береста давно потрескалась, но хоть немного укрывала дерево от сырости. Нужно было согреть воды с сосновыми шишками – так советовали старые охотники, если вдруг зазнобит.

– Да уж... Ни кабана, ни денег... Чтоб этому Тамиру пусто было! И Ярову этому, что ворвался в спор – хоть бы подавился этими сребрениками! И кабанам этим, чем же они не угодили этому толстяку? И лес... – бормотала я, складывая дрова в кучу.

Вспомнила я, как брела по льду, в той, заледеневшей части леса. Следы кровавые, что вели неведомо куда, пугали до дрожи. Неужто и там, где ждала спасения, подстерегает гибель? Неужто то – знаки Белой Смерти? Может быть, леший балуется?

В детстве я часто говорила о смерти. Собирала вокруг себя ребят на полянке у реки Ладоньки и рассказывала о том, что ждет нас после, о мире, где живут души умерших. Откуда я это знала? Не знаю. Просто видела. Во сне, в тихих шепотах леса, в отражении луны в ночной воде.

– Там нет боли, нет страха, только вечный покой, – говорила я, глядя в их испуганные глаза. Мы сидели, плели венки из полевых цветов и представляли будто бы, хороним кого-то. Но им было страшно. Они отшатывались от меня, словно от прокаженной, словно от меня несло могильным холодом.

– Ты странная, Зоряна! – кричал кто-то, шмыгая носом.

– Не говори так! – возразил другой, прячась за спину друга.

– Это осквернение Богов! – кричали они, и убегали, прячась за спины матерей, как цыплята под крыло наседки. А я оставалась одна, с непонятным чувством вины и одиночества, с венком в руках, словно с проклятием. Я не понимала, почему мои слова пугают их. Ведь я просто хотела рассказать им о том, что видела сама.

Эти сны часто посещали меня. О мире, где живут души тех, кто ушел от нас, о Нави, где правит Велес.

Больше всего пугалась мать. Сначала она пыталась меня переубедить, молилась ночами Перуну, чтобы изгнать из меня нечистую силу. Может быть, испугалась, что я умру раньше времени. Потом начала ругать, запрещать говорить о смерти, грозила отвести к знахарю. Но я не могла мол-

чать. Я видела слишком много. Я знала то, что не знали другие. И это знание делало меня чужой. Бабки на улице шептались, сторонились меня, крестились, когда я проходила мимо, словно отгоняя нечисть. Дети не хотели играть со мной в салочки или горелки. Они боялись моей странности, моей одержимости смертью... Говорили, что я накликаю беду.

Вскоре, меня оставили в покое. Я привыкла к одиночеству. Но внутри, в самой глубине души, жила тоска по пониманию, по обычной, человеческой близости, по теплу чужой руки

Однажды, заблудившись в лесу, в самой его чаще, где даже солнце не могло пробиться сквозь густые ветви, я увидела их. Прозрачные тени, скользящие меж деревьев, говорящие без слов. Они были похожи на духов умерших предков, на лесных нимф, на отголоски древних богов. Их тихая красота заморозила меня, да и страх был не тот, как от людей, какой-то... притягательный. И ещё я видела *его*. Того, в чьих глазах умирали звезды. Кто ступал, оставляя за собой лишь тень.

Оставив все мысли позади, я принялась за дело. Взяла небольшой котелок, закопченный от костра, набрала в нем воды из ручья, бегущего неподалеку, словно серебряная змея. Потом разложила костер, подложив бересту под сухие ветки. Огонь вспыхнул быстро, жадно пожирая топливо, словно голодный зверь. Пока вода грелась, я достала из мешочка, спрятанного под крыльцом, горсть сушеных сос-

новых шишек. Я наблюдала за тем, как вода в котелке постепенно нагревается, пузырьки воздуха поднимаются к поверхности, словно души, стремящиеся в небеса.

Мысли о том, что ждет меня впереди, уносились с паром от варева с шишками, смешиваясь с запахом хвои и смолы. Вспомнились слова старух, сплетни о Верескове. Вспомнились детские страхи, вид кровавых следов на снегу. Вспомнились порождения Чернобога, что выползают из тьмы, чтобы сеять хаос и разрушение.

Дым от костра поднимался в небо, унося с собой мои тревоги и сомнения. Слова старух о Верескове застряли в голове, как заноза.

«Чудище какое-то завелось, людей убивает». Если там правда орудуют твари из Нави – значит, князь снова назначил награду за их головы. А мне эти сребреники нужнее, чем кому-либо. Но было в этом и другое: если я всё таки изловлю тварь эту мертвецкую... Если же не ускользнет она от меня...

Я сжала кулаки. Завтра отправлюсь в Вересково. Если мне суждено сгореть – так пусть это будет в бою, а не на костре под крики толпы.

Порылась в кармане, ища огниво, но пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное. Золотая цепочка с монетой, украшенной гербом сокола, – та самая, что сорвалась с шеи молодца, когда он тащил меня из толпы. На обороте – чуть потёртая надпись: *“Солнце всех опалит”*. Станные слова

для княжеского герба. Присмотрелась: сокол на аверсе был не просто птицей, а существом с расправленными крыльями, словно падающим с раскалённого неба. Словно жар-птица, погибающая от собственной силы.

“Как я” – мелькнула мысль. Я ведь тоже сгораю – от гнева, от страха, от этой бесконечной погони. Но если солнце опалает всех без разбора... Может и мне есть место среди “всех”?

Не знаю, почему я не выбросила медальон. Может, потому, что это единственная вещь за долгие годы, попавшая ко мне не через кровь или обман. А может, из-за его глаз – зелёных, как поля в травень³, – которые смотрели на меня без страха или омерзения.

– Спасибо, – прошептала я, на миг представив, как отдаю ему цепочку. Я надела её, спрятав под рубаху. Холодный металл коснулся кожи, и по спине пробежали мурашки. Пусть будет талисманом. Или обещанием, что когда-нибудь я встречу того, кто не отвернётся.

³ Травень (май) – название месяца у славян, когда зелёная трава покрывает землю.

Глава 4. Лунница

Любовь – то дар и то проклятье. Она способна вознести до Небес, вдохновляя на деяния благие и перемены к лучшему. Но есть и другая любовь – лютая да злобная, как хвороба, что душу изъедает да на безумства толкает. Она очи застит, волю отнимает, и делает из человека лишь куклу в руках лиходея. Будь осторожен, ибо любовь может как исцелить, так и погубить.

Солнце едва пробивалось сквозь густую листву, когда я проснулась. В лесу было тихо и холодно, лишь изредка слышалось пение птиц. Я зябко поёжилась, натягивая на плечи старую шкуру. В животе булькало от голода, напоминая о вчерашнем побеге со Старграда с пустыми руками, да отваре с шишками. Первым делом нужно развести огниво и позавтракать, а уж потом отправляться в путь.

Я ополоснула лицо в ручье, чувствуя, как прохладная вода бодрит и прогоняет остатки сна. Вода коснулась моих пальцев — и на мгновение поверхность покрылась тонкой паутиной льда. Я резко одёрнула руку. "Опять..." – Сердце бешено застучало. Всё те же детские страхи: а вдруг кто-то увидит? Но вокруг никого не было – только лес, хранящий мои секреты. И я тотчас же успокоилась.

Длинную косу из темных, словно воронье крыло, волос

заплела быстро и ловко, одним движением закрепив ее деревянной заколкой. Сегодня снова придется довольствоваться отваром из сосновых шишек, заедая горький вкус лесной земляникой.

— Эх, леший бы побрал этого Тамира, — подумала я, грустно вздыхая. — Ведь если бы не он, я бы сейчас пировала свежим мясом, а не жевала эти шишки старые. И как он мог так поступить, после всех лет торговли с ним! До сих пор перед глазами стоит его противное, лоснящееся лицо и сальные ухмылки. Пёс смердящий! Хорошо хоть кабан огрел его знатно. Теперь, небось, еще долго не сможет мясом торговать то. — ругаюсь я, пока грелась вода в котелке.

Я даже усмехаюсь, представляя разгромленную лавку и перепуганные лица горожан. Месть, конечно, вышла боком, но хоть какая-то отдушина была.

Кабан... А ведь его не просто подняла, я его швырнула! И словно не весил он ничего. Дивно конечно всё это было: в моменты злобы я, казалось, могла и не только такое сделать!

— Ведьма... — Шепчу я одними губами, вспоминая вчерашний день. Это слово преследовало меня уже давным-давно. Словно клеймо, оставленное Макошью на моей нити судьбы. Клеймо, которое я не могла никак отмыть.

В памяти всплывает детство. Я прикрываю глаза, вдыхая запахи дыма костра и погружаюсь в воспоминания.

Дом, пропахший свежееиспеченным пирогом с капустой и

сладким ароматом кутьи⁴ с липовым мёдом. Молодая девушка сидела у стола и заводила тесто на блины. И я, маленькая и неуклюжая девочка, с черной копной непослушных волос, собранных в косу. Я еле-еле управлялась с огромной метлой, пытаюсь вымести пыль из каждого угла в доме. Метла больше меня ростом, и я то и дело задевала ею за ножки стола, поднимая клубы пыли. Мама сказала, что нужно убратъся хорошо-хорошо, ведь впереди был Купала⁵.

– Ну что ты возишься, как копуша? – смеялась мать, вытирая руки о передник. У нее добрые, лучистые глаза болотного цвета и мягкая улыбка. Она всегда называла меня копушей, когда я делала что-то медленно и неуклюже.

– Давай-ка я помогу. Пока блины всё равно рано делать, пироги ещё не успели.

Она подходит, легко отнимает у меня метлу и ловко выметает пыль из-под лавки.

– Так то лучше! А ты лучше крынку с молоком подай, да поосторожнее, чтоб не разбила.

Я с гордостью подхожу к полке и беру крынку, наполненную свежим, парным молоком. Протягиваю матери, и в тот же миг, словно по велению злой силы, молоко покрывает-

⁴ Кутья - блюдо, готовящееся на Купалу. Является кашей из зерен пшеницы или ячменя.

⁵ Купала - Это праздник, который отмечался в честь Купалы-бога. Он проходил в период летнего солнцестояния, когда природа достигает своего расцвета. Праздник включал в себя множество обрядов, ритуалов и развлечений, связанных с водой, огнем, плодородием и очищением.

ся тонкой коркой льда. Мать вскрикивает, роняет крынку, и осколки крынки разлетаются по полу, смешиваясь с белой лужей. Запах молока и страха смешиваются в тошнотворное месиво. По щекам градом потекли слезы: я не понимала, что случилось, но чувствовала, как в этот миг часть привычного мира начала рушиться. Мне стало страшно.

– Что ж ты наделала, окаянная?! – В голосе матери теперь нет и следа доброты. Лицо искажено ужасом, а глаза смотрят на так, словно я лихо лесное. Мать, брезгливо морщась, отползла от меня подальше, как от чумной, падает на колени, закрывая лицо руками, и начинает шептать истово, царапая себе руки:

– Перуне грозный, прости нас грешных! Отведи от дома сего заразу и скверну! Спаси нас от проказы, что напала на дитя! Молю, не гневайся, смилуйся над нами, рабами твоими!

С тех пор маленькая я старалась не прикасаться к вещам без нужды.

Я открыла глаза. Печаль сдавила грудь. Не время сейчас об этом думать. Упыри ждут. Пора отправляться в Вересков.

Я машинально трогаю холодный металл на шее. Цепочка все еще на месте. Тяжелое золото давит на грудь, напоминая о моей изворотливости. Интересно, тот парень хоть заметил, что я её украла? Глупый вопрос. Он был в дорогих одеждах и с охраной, а значит, способен купить себе таких сколько захочет. Да и тем более герб сокола говорил о том, что княже-

ских кровей он, так что тем более денег у них полно. А меня эта безделушка, надеюсь, хоть как-то защитит от нечисти.

Желудок требовательно урчал, но времени на поиски нормальной еды не было. Нужно как можно скорее добраться до деревни и выяснить, что там произошло. Упыри не нападают просто так, значит, что-то их привлекло. Быть может, недавно там родилось дитя. Чернобог любит направлять своих упырей к местам, где только-только появились младенцы.

Поднявшись на ноги, я направилась в сторону Верескова. Лес казался зловещим и настороженным. Каждый шорох, каждая тень заставляли меня вздрагивать. Инстинкт подсказывал, что за мной следят. Я касалась Жнеца, бьющегося о ноги, чтобы в такие моменты отогнать страх. Только его острый металл у ног был способен успокоить.

Солнце, словно сквозь сито, просеивалось сквозь густую листву, рассыпаясь золотыми зайчиками по лесной поляне. Шуршание листьев под ногами, потрескивание веток, и легкий, едва уловимый запах дыма – все говорило о том, что Вересков совсем рядом. Я остановилась на краю поляны, зачарованная открывшимся передо мной зрелищем.

Он был высок и широк в плечах, словно медведь, вышедший из берлоги после долгой зимней спячки. Одетый в грубую льняную рубаху, рукава которой были закатаны до локтей, он являл собой воплощение грубой мужской силы. Капли пота блестели на его загорелом лице, а сквозь промокшую ткань рубахи отчетливо проступали контуры могучих мышц.

Парень работал с колуном так, словно это было продолжением его руки, ловко и уверенно раскалывая одно полено за другим. Когда он поднял голову, в его взгляде не было ни настороженности, ни злобы. Лишь легкое удивление. Его губы тронула приветливая улыбка, обнажив ровные белые зубы.

– Здравствуй, красавица, – произнес парень хриплым голосом, в котором чувствовалась усталость и теплота – Давно я не видел в наших краях гостей. Что привело тебя в эту глушь? Не дрова ли понадобились? Могу предложить лучшие в округе!

Его взгляд изучающе скользнул по моему лицу, задерживаясь на мгновение на золотой цепочке, что висела у меня на шее. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Но его взгляд надолго не задержался на цепочке, его взгляд переместился ниже, где к самому краю моего потертого платья, с трудом прикрывающего ноги был привязан острый серп.

Его брови слегка поползли вверх от удивления.

– Ох, а почему ты с серпом ходишь? – спросил он, оглядывая поляну, где не наблюдалось ни намека на поля. – Что-то не припомню поблизости полей пшеничных...

– Мало ли кто в лесу попадетсЯ, – пожала я плечами, стараясь звучать беззаботно. – Всякое бывает. Да и грибы собирать удобнее.

Он приподнял одну бровь, но промолчал. Его взгляд, казалось, проникал сквозь меня, пытаясь увидеть что-то скрытое. Этот “медведь” оказался куда проницательнее, чем я ду-

мала. Нужно быть осторожной.

– Так и куда путь держишь, дева с серпом? – С легкой улыбкой произнес он, облакачиваясь на колун.

– Я... я просто заблудилась, – пробормотала я, стараясь скрыть волнение. – Шла в Вересков, но сбилась с пути.

Он усмехнулся, и эта усмешка показалась мне немного лукавой.

– В Вересков? Да ты почти у цели! Деревня совсем рядом, иди вперед и меньше чем через версту⁶ наткнешься на неё. А зачем путь туда держишь, знакома там с кем-то? А то про Вересково то наше мало кто знает.

Я постаралась изобразить на лице искреннее удивление.

– Ах, да, совсем забыла сказать! У меня там тетка живет, Анна. Давно ее не видела, вот и решила проведать. Только дорогу совсем забыла, да и лес этот... – я поежилась, вспоминая упырей. – Не самое приятное место для прогулок, особенно в одиночку.

Я выжидающе посмотрела на молодца, стараясь уловить в его взгляде хоть какую-то подсказку. Верит он мне или нет?

Вместо ответа, он чуть заметно нахмурился.

– Странно, – произнес он, почесывая бороду. – Анна вроде бы не упоминала о племяннице. Да и вообще, насколько я знаю, у нее родни в этих краях почти не осталось.

“Медведь” внимательно посмотрел на меня. Я почувство-

⁶ Верста – славянская единица измерения расстояния, равная 500 саженей или 1500 аршин, в метрической системе это 1066,8 метра

вала, как внутри все похолодело. Нужно было срочно что-то придумать.

– Ну как же! – Пospешила я, стараясь придать своему голосу больше уверенности. – Просто мы не очень-то часто общаемся. Да и связь сейчас сами знаете какая, не как раньше. Туман этот с упырями, тут и в свой лес ходить страшно, а тем более в незнакомую деревню... А познакомились мы с ней, когда она у нас зайцев покупала. Анна тогда так ими восхищалась, чуть ли не хвалилась всем окрестностям! А потом как-то раз и пригласила в Вересков, вот я и решила воспользоваться случаем.

Я постаралась изобразить на лице наивное выражение, надеясь, что незнакомец поверит в мою историю.

На этот раз в его взгляде не было сомнения. Напротив, уголки его губ чуть приподнялись, выдавая слабую улыбку.

– А, ну теперь все сходится. Точно, Анна рассказывала, как ездила к одним людям за зайцами, уж больно она их любит. Значит, ты та самая девушка. Ну что ж, добро пожаловать в Вересков, – он махнул рукой в сторону холма. – Если хочешь, могу проводить. Все же, одной в лесу опасно. Да и до Анны провожу. Кстати, тебя звать то как? Меня Горчак.

Внутри меня разлилось тепло, от того, что моя ложь сработала. Хотелось ликовать, но я лишь сдержанно кивнула.

– Зоряна. Была бы очень признательна, если покажешь путь.

“Теперь нужно быть осторожной. Как можно скорее до-

браться до деревни и узнать, что там произошло...”

Горчак кивнул и, подхватив свой топор, направился в сторону тропинки, ведущей к холму. Я последовала за ним, стараясь не отставать. Лес постепенно редел, уступая место полям и лугам. Воздух становился чище и свежее, хотя отчетливый запах дыма, висевший в воздухе, почему-то не исчезал, а лишь становился сильнее.

Всю дорогу нас сопровождал тихий, протяжный вой. Но это был не обычный вой – не радостный призыв стаи, а скорее заунывный плач, пробирающий до костей. То он звучал совсем близко, словно волки шли в нескольких шагах от нас, то отдалялся, словно кружили вокруг, играя в опасную игру. Обычно в это время года, голодные, они не церемонятся. Бросаются сразу. Но эти... Эти словно чего-то ждут. С каждым разом я чувствовала, как внутри нарастает не просто беспокойство, а настоящий ужас. И не было тут никакого мертвецкого запаха, связанного с упырями.

– А это нормально? – Не выдержала я, нарушив молчание, чувствуя, как дрожь пробирает все тело. – Что волки так воют? Раньше вроде не слышала такого...

Горчак нахмурился. Остановился, прислушиваясь. Лицо его стало серым, а взгляд забегал по сторонам, словно он пытался увидеть то, что скрыто от моих глаз.

– В последнее время их и правда развелось много. Злые стали, как никогда. Видно, голодно им. Или... – он замолчал, сглотнув слюну. Его обычно суровое лицо сейчас выража-

ло неподдельный страх. — Или... — он осекся, не договорив, словно боялся произнести что-то вслух, — старые люди сказывали, что когда волчий плач слышится днём, словно погребальный звон, то скоро придёт мор, или война, или ещё какая напасть. Чует моё сердце — не к добру это всё, Зоряна.

Он покачал головой, словно отгоняя дурные мысли.

Наконец, мы вышли на вершину холма, и передо мной открылась панорама Верескова. Небольшая деревушка, окруженная густым лесом и живописными полями, казалась тихой и мирной. Несколько домов с соломенными крышами, покосившийся забор, старая мельница на берегу реки — все выглядело так, словно время здесь остановилось. Но что-то было не так. Приглядевшись внимательнее, я поняла, что именно. В деревне царила неестественная тишина. Не было слышно ни детского смеха, ни кудахтанья кур, ни мычания коров. Никаких признаков жизни, кроме легкого дыма, поднимающегося из труб нескольких домов. Словно все жители затаились в ожидании чего-то страшного.

Горчак остановился рядом со мной, и я заметила, как наглось его лицо.

— Вересков обычно не такой. Тут всегда детвора бегает, крики, смех... А сейчас словно вымерло все.

— Что случилось? — не выдержала я, стараясь узнать хоть что-то. — Почему все так тихо?

Но не успел он ответить, как из одного из домов вышла женщина. Молодая, с длинными русыми волосами и добры-

ми глазами, она несла в руках корзину с бельем. Увидев нас, она улыбнулась и направилась в нашу сторону.

– Горчак, дорогой, ты уже вернулся! – воскликнула она, а потом перевела взгляд на меня. – Гостя привел? – Девушка улыбнулась, но взгляд её скользнул по моему серпу и замер. – Давно у нас чужих не видали...

Горчак улыбнулся ей в ответ и, подойдя, нежно погладил ее по выпирающему животу. Затем он забрал у нее корзину с бельем.

– Милана, не нужно тебе сейчас тяжести носить, – сказал он заботливо. – Это Зоряна. Она к Анне приехала, в гости. Зоряна, познакомься, это моя жена, Милана.

Милана тепло улыбнулась и протянула мне руку.

– Очень приятно познакомиться! Заходи к нам в гости, дорогая. У нас как раз обед готов, и тебе будет что рассказать. Путь то к нам наверняка долгий был.

Я кивнула, принимая приглашение.

– Спасибо, с пребольшим удовольствием. Давно не ела домашней еды.

Мы направились к дому, и Горчак открыл дверь, пропуская нас вперед. Дом был небольшим, но очень уютным и светлым. Стены выбелены, а пол устлан домоткаными ковриками. В углу стояла большая печь, украшенная яркой росписью, а над ней висели связки сушеных трав и цветов. На полках красовались глиняные горшки и деревянные миски, а на окнах стояли горшки с цветущими геранями. По всему

дому были расставлены небольшие деревянные фигурки животных и птиц, вырезанные с большой любовью и тщательностью. Чувствовалось, что здесь живут добрые и заботливые люди, ожидающие появления нового члена семьи.

Милана усадила меня за стол, накрытый простой льняной скатертью, а сама начала хлопотать по хозяйству. Она была очень красива: длинные русые волосы, заплетенные в косу, большие голубые глаза и нежная улыбка. В каждом ее движении чувствовалась природная грация и хозяйственность. Было видно, что она любит свой дом и старается сделать его уютным и комфортным для своей семьи.

Вскоре на столе появились тарелки с дымящимися щами, а затем и другие угощения. Милана поставила передо мной большой кусок пирога с грибами и картошкой, от которого исходил аппетитный пар. Рядом красовалась миска с тушеной репой и нежными кусочками свинины, а в кувшине плескался ржаной кисель. Горчак достал из печи еще теплый, хрустящий ржаной хлеб, от которого исходил дурманящий аромат.

Я с удовольствием принялась за еду. Все было очень вкусно, приготовлено с душой и любовью. После долгой дороги и тревожных мыслей, этот обед казался настоящим благословением.

– Вересков у нас тихий, спокойный, – начала Милана, глядя на меня с улыбкой. – Правда, в последнее время иначе стало. Волки развелись, страшно из дома выходить.

Она вздохнула и посмотрела на мужа.

– Горчак с отцом почти каждый день лес прочесывают. Говорят, что-то неладное там творится. Находят... находят новые тела.

Горчак резко поставил на стол кувшин с водой, прерывая жену.

– Милана! Не нужно гостье рассказывать такие страхи. Зоряна только приехала, а ты ее уже пугаешь. Все хорошо, не волнуйся. Просто немного беспокойно, как и везде сейчас.

Но в его голосе чувствовалась натянутость, а взгляд, которым он окинул Милану, был полон предостережения. В этот момент я вдруг почувствовала, как в воздухе сгустилась какая-то нехорошая атмосфера. словно между Горчаком и Миланой возникла невидимая стена. Я поняла, что сейчас лучше уйти, дать им возможность поговорить наедине, чтобы убрать непонимание, возникшее меж ними. Не хотелось чувствовать себя третьей лишней.

– Спасибо за угощение, – сказала я, поднимаясь из-за стола. – Было очень вкусно. Но мне пора. Нужно навестить тетку.

Милана улыбнулась.

– Зоряна, останься еще немного, не доела ведь! А то что-то совсем не хочется, чтоб голодной ходила. – Милана немного помолчала, словно раздумывая, стоит ли говорить то, что она собиралась сказать. Девушка украдкой бросила взгляд на уходящего из дома мужа и потом только заговори-

ла. — А то знаешь... с Горчаком мы ссориться стали в последнее время... Всё никак от него его бывшая пассия не отвяжется. Приходит всё к нашему дому, ищет его, покоя не даёт. Всё ревнует, наверное. И его, и меня. А Горчак... Он мужик прямой, не умеет отшивать. — В ее голосе звучала легкая грусть и обида. — Так что мне хоть компания будет.

— Мне наверное, пора...

— Да ты не думай, Зоряна, что я просто так ревную! Да если бы только ревность! Эта бывшая его... Она ведьма какая-то! Как ни придет, то молоко скиснет, черным плесневет прямо на глазах, то еще какая беда случится. — Ее голос задрожал. — Она же ребенка нашего погубить пыталась! После ее визитов у меня живот каменел, кровь шла. Еле спаслась... Теперь я из дома выйти боюсь, как бы чего не случилось. Горчак, конечно, говорит, что это всё совпадения, но я-то вижу, что она специально делает! И чудовище в лесу она наверняка наслала! Чтобы Горчаку худо сделать!

— Какое такое чудовище? — Желание уйти мигом улетучилось. Что-то во всем этом было не так. Наслали упырей? Это конечно, было маловероятно, но вдруг... Тем более Милана носит дитя, а свежую кровь они любят. Нужно было узнать побольше.

— Ой... — Милана тут же поникла, оглядываясь по сторонам, словно боялась, что ее подслушивают. Она схватила меня за руку и тихо прошептала. — Я не должна была этого говорить... Это тайна, поняла? Горчак не разрешает об этом

никому рассказывать. Тяпун мне на язык! Ладно уж Зоря, тебе ведь к Анночке надо. Иди, а то она обидится. И... пожалуйста, забудь обо всем, что я тебе наговорила. Это все от страха.

– Хорошо, спасибо за угощения. – Я кивнула и вышла из дома. Точнее меня спровадили, мягко выталкивая.

Сделав глубокий вдох, я окинула взглядом деревню. Небо было чистым и высоким, а солнце уже начинало клониться к закату, отчего тени становились длиннее. Мне нравился этот запах дыма, смешанный со свежескошенной травой, запах подступающей осени, предвещающей скорую зиму. И еще – прохлада леса, окружавшего Вересково со всех сторон. Я жалела, что не удалось у Миланы узнать побольше о чудовище. Но наверняка кто-то здесь что-то да знал. Деревня всё ещё казалась тихой и безлюдной, но стоило мне пройти несколько шагов, как я услышала детский смех. За одним из домов играла небольшая группа детей. Они бегали и кричали, но вскоре их игра переросла в странную песню.

– Раз, два, три, волки пришли! – запел первый ребенок, убегая за сарай.

– Четыре, пять, в лес не гулять! – продолжил второй ребенок, девочка, лет четырех. Она показала на лес и помахала пальчиком.

– Шесть, семь, волк съест всех! – третий, пухленький мальчик прикрыл глаза руками.

– Восемь, девять, волки здесь – четвертый ребенок присел

на корточках, рисуя круг на траве.

– Десять, десять, надо бежать! Волчий король идет искать!

Дети внезапно замолчали, уставившись куда-то за мою спину. Самый маленький мальчик медленно поднял дрожащий пальчик:

– Он... он уже здесь. Смотрите...

По спине побежали мурашки. Я обернулась. На опушке, между чёрных стволов, мелькнула тень – слишком высокая для волка, слишком изломанная для человека. Ветер донёс запах прелых листьев и... медной монеты. Как кровь. Дети продолжали же шумно играть, словно и не заметили лихольсы.

Я подошла к ним ближе.

– Что это вы поете такое? – спросила я с улыбкой, стараясь не показать своего волнения.

Они остановились и посмотрели на меня с любопытством. Самой смелой из группы детей оказалась вторая девочка:

– Это считалочка про волков и волчьего короля. Ее все знают. А ты кто такая?

– А почему эта считалочка такая страшная? – настаивала я.

Дети переглянулись.

– Потому что сейчас все только и говорят, что в лесу завелось чудовище, – прошептал мальчик, словно боясь, что его услышат. – Оно убивает людей. И волки ему помогают.

– Да-да! Это волчий король! Я слышал, как тятенька

шептался о том, что дядя Горя и Белобор нашли разодранное тело в лесу! Без зенок и внутренностей!

– Фу-у-у! Ну ты и врешь! Не было такого!

– А вот и было! Я сам слышал!

У меня похолодело внутри. Чудовище! Вот оно! Наверняка они говорят именно о том, о чем шептались старухи у застенья Старграда. Только почему его зовут волчьим королем? Разодранное тело... без зенок и внутренностей... В голове кружились обрывки фраз, слухов и догадок, но они никак не складывались в единую картину. Ужас медленно, но верно, пробирался под кожу, но я всеми силами пыталась сохранить самообладание. Я не хотела верить в то, что это мог быть волколак¹¹⁷. Может быть, дети просто выдумывают? Или это всего лишь преувеличение? Но почему тогда в глазах этих малышей такой страх?

– Откуда вы это знаете? – спросила я, стараясь скрыть растерянность и, если получится, хоть немного – дрожь в голосе. В памяти всплыли упыри Чернобога, с которыми мне доводилось сталкиваться раньше. Да, зрелище было то неприятное, но вполне понятное и предсказуемое. А это... это было совсем другое.

– А ну-ка, кыш по домам! – раздался строгий женский голос.

Из-за угла вышла девушка, высокая и статная, с длинной

⁷ Волколак (или волкодлак) - в славянской мифологии это человек-оборотень, временно принимающий образ волка.

черной косой, перекинутой через плечо. Ее лицо было усыпанное веснушками. Ярко-зеленые глаза, казалось, прожигали взглядом. В ней было что-то дикое и неукротимое, как в самой природе. В ее лице я уловила знакомые черты – утонченность, мягкость линий. Она чем-то напомнила мне Милану.

Девушка сердито посмотрела на детей, и те, словно по команде, бросились врассыпную. Холодный ветер прошелся по улице, заставляя меня поежиться. Вдалеке послышался скрип закрывающихся ставен.

– Скоро стемнеет, – сказала она, повернувшись ко мне. – Нечего им тут шататься, всякие страсти рассказывают. И вам тоже нужно домой идти, откуда бы ни были. Ночью здесь опасно.

Ее лицо, и без того бледное, казалось еще более осунувшимся в сумерках. В ее глазах застыла печаль, которая, казалось, не отпускала ее ни на минуту.

– Милица? Чего детей разгоняешь? – раздался голос Горчак. Он вышел из-за угла дома, скрестив руки на груди.

– Горчак, – кивнула Милица, но в ее взгляде мелькнула какая-то болезненная нежность. – Просто слежу, чтобы они были в безопасности. В такое-то время... – Она запнулась, словно хотела сказать что-то еще, но передумала.

– Спасибо, Милица. Но теперь я сам присмотрю, – ответил Горчак, и в его голосе не было ни капли теплоты. Милица нахмурилась. Где-то вдали скрипнула старая качель, словно

вторя ее печали. Листья на ближайшем дереве задрожали, хотя ветра почти не было.

– Ты всегда все делаешь сам, Горчак. Даже когда тебе нужна помощь.

– И ты всегда знаешь, как упрекнуть, Милица, – холодно ответил Горчак, его взгляд потемнел. – Ты права, я не нуждаюсь в твоей помощи. Ни сейчас, ни тогда. – Для этого у меня есть Милана, – твердо сказал Горчак, глядя прямо ей в глаза. В его взгляде не было ни капли сожаления, лишь холодная решимость. – Тебе пора идти. Доброй ночи. – Горчак шагнул вперёд, понизив голос до опасного шёпота. – Если ещё раз увижу тебя возле моего дома – сам отведу к болотным огням. Ты ведь помнишь, что они делают с лгуньями?

Милица отпрянула. В её глазах, словно отблеск лунного света, мелькнуло что-то... нечеловеческое. Но лишь на мгновение.

– Ты пожалеешь об этом, – прошипела она. – Она не стоит тебя.

Я почувствовала, как неловкость сгущается в воздухе. Было очевидно, что между этими двумя что-то было, и это “что-то” закончилось очень плохо. Милица сглотнула, и я увидела, как в ее глазах блеснули слезы. Она резко развернулась и ушла, не сказав больше ни слова. Между ними явно было что-то недосказанное. И похоже, что-то очень личное.

Милица медленно развернулась и пошла прочь, а я поспешила за ней, чувствуя себя неуютно. Она шла, не обращая

внимания на меня. Я молчала, не зная, как себя вести. Вскоре она свернула в переулок, в котором жили. Я шла за ней, и только когда она остановилась у своего дома, она заговорила, смотря прямо в глаза.

– Помню, как мы с Горчаком были молодыми, счастливыми. Он приносил цветы каждый день. Помню, как мы гуляли по лесу, как он учил меня собирать грибы, как мы смеялись до слез, сидя у костра. Помню, как он впервые поцеловал меня – в тот самый день, когда расцвели первые подснежники. Мы мечтали о детях, о большом доме. – Её голос задрожал, и по щеке скатилась одинокая слеза. – Он обещал любить меня вечно... А потом появилась Милана. Беременная. В этот момент мой мир рухнул. Все мечты, все надежды – все было уничтожено одним фактом. Я чувствовала себя преданной, покинутой. У меня словно вырвали кусок сердца. Она забрала у меня все. Она украла его. Я ненавидела ее, но я не могла ничего сделать. Горчак не мог бросить ее, понимаешь? Он должен был. Он всегда был таким правильным... Но я не собиралась сдаваться. Я не могла смириться с тем, что меня просто вычеркнули из его жизни...

Я почувствовала укол сочувствия. Милица, казалось, выплеснула всю свою боль, всю свою обиду. В ее словах звучала и любовь, и горечь потери.

“Вот и она... Значит, Милица и есть бывшая Горчака, о которой говорила Милана...”

Но при чём здесь упыри? Чернобог редко одалживал свою

нежить для сведения любовных счётов. Разве что... Леде-
нящая догадка пронзила меня: Милана беременна. А све-
жая кровь младенцев – лучшая приманка для навых тварей.
Неужели Милица сознательно накликала их? Или сама стала
чем-то вроде проводника между мирами?

Тяжелый топот копыт и лязг железа ворвались в тишину
вечера, заставив сердце подскочить к горлу. Улица напол-
нилась вооруженными всадниками, закованными в доспехи,
словно железные големы. Они двигались слаженно и уверен-
но, излучая мощь и угрозу.

И тут мой взгляд зацепился за знакомое лицо. Один из
воинов, ехавший во втором ряду, задержал на мне взгляд.
Его губы тронула легкая, едва заметная ухмылка. Это был
тот самый парень, что спас меня на рынке. Я снова рассмат-
ривала его кудрявые волосы пшеничного цвета и сочно-зе-
леные глаза, прищуренные сейчас от улыбки.

“Что он тут делает?”

Всадники остановились посреди деревни, и от отряда от-
делился один из воинов. Подъехав к Горчаку, он снял шлем
и приветливо кивнул.

– Здравствуй, Горчак, сын Белобора. Великий князь Во-
лынский услышал ваши мольбы о помощи. Видя, что своими
силами вам не справиться с бедой, что поселилась в ваших
лесах, он послал своего среднего сына, князя Ярослава, и его
дружину, чтобы помочь Верескову.

Горчак удивленно вскинул брови.

– Князя Ярослава? Мы благодарны за помощь, но... разве это необходимо?

– Не мне решать, Горчак. Князь сам оценит ситуацию.

С этими словами воин снова надел шлем и вернулся в строй. Не успела я переварить услышанное, как из колонны вышел всадник, перед которым расступились другие. Он был на гнедой лошади. На нём был всё тот же алый расписной кафтан. Русые волосы обрамляли его плечи, взгляд оценивающе смотрел на Вересков. Он снова задержался на мне, как бы говоря: *“Удивлена?”*. Медальон на моей шее внезапно стал тёплым, будто впитал солнечный свет. Княжич слегка наклонил голову – его взгляд скользнул по цепочке, мелькнувшей у ворота моей рубахи. В уголках его губ заплясали веснушки от едва заметной улыбки. Он знал. Определённо знал, что это его вещь... и почему-то не требовал её назад.

Затем Ярослав окинул взглядом собравшихся жителей и произнес громким голосом:

– Я – княжич Ярослав. И я здесь, чтобы избавить вас от зла, что поселилось в ваших землях.

Глава 5. Древо

Сон-трава – весны гонец в дремучем лесу, где тени шепчут старые сказки. Цвет её синий, словно очи ночные, но не доверяй её тихой красе. Мягкие лепестки хранят в себе колдовство, а пыльца усыпляет разум, нашептывая сны. Не верь баюканью сон-травы, ибо сны её – лишь кривое отражение твоей души, где мечты и страхи перемешались. Легко сгинуть в том мороке, забыв путь к правде, и себя потерять навек.

Ярослав протянул руку Горчаку в знак приветствия. Но сын старосты смотрел на неё, как на раскаленное железо в кузне. Спустя пару скитаний, он всё же пожал её, словно делая великое одолжение.

– Я Горчак, сын старосты деревни Вересков, – представился он. – Благодарствуем за вашу помощь, княжич. Но... Откуда ведомо вам, какая беда постигла нашу деревню?

Ярослав, видать, ждал этого вопроса, прочистил горло и речь повёл:

– Наш великий князь Святослав Волынский тщательно собирает крупницы информации о том, что творится в земле его. И когда люд его сковывает хвора, он всегда меры принимает. – Сказал он. – До меня дошло, что в ваших лесах нечисть страшная орудует и оставляет после себя лишь кро-

вавые останки. Мы должны обнаружить и истребить существо, чтобы больше ни одна душа не пострадала.

Горчак побледнел, и я заметила, как он украдкой сжал кулаки. Он бросил быстрый взгляд на меня.

– То правда, княже Ярослав, то правда... Мы с отцом каждое утро лес прочёсываем в поисках следов злыдня этого... Но находим лишь тела тех, кого оно настигло... – сказал Горчак, понизив голос. – Понятия не имеем, что за зверь это и как его одолеть.

Ярослав кивнул, и я почувствовала, как на мои плечи ложится тяжесть его решения. Ему и его дружине предстоит битва нелёгкая.

– Мы найдем способ победить лихо лесное, – сказал он уверенно. – Но для этого нам нужно будет работать вместе и быть осторожными. Мы не знаем, что нас ждет в лесу, и мы не знаем, как это существо нападает на безвинных.

Ярослав заметил, как я напряглась, когда он упомянул о необходимости работы вместе. Его взгляд скользнул по моему лицу, задерживаясь на мгновение дольше, чем следовало. А потом его взгляд скользнул на шею, где кулон висел его. Его зелёные глаза изучали меня слишком пристально – не просто как воровку, а как... что-то другое. Словно он искал во мне подтверждение каким-то своим догадкам. Мне захотелось спрятаться.

Солнце багровело, цепляясь за макушки деревьев, словно не желая отпускать день. Но лес уже жил своей жизнью –

тревожной и шепчущей. Каждый шорох казался мне предостережением. Горчак нервно озирался, словно зверь, загнанный в угол.

— Княжич, Зоряна, пора уходить... — прохрипел он, хватая меня за руку. — Не к добру задерживаться здесь, когда тьма наступает.

Я старалась не смотреть на Ярослава, но чувствовала его взгляд, словно клеймо. Сердце колотилось в груди, словно пойманная птица. Знала, что он узнал кулон. Глупая, зачем я надела его сегодня? Нужно было спрятать подальше, но рука так и тянулась к нему.

Когда Горчак торопливо прощался с Ярославом, я старалась держаться в тени. Но взгляд Ярослава задержался на мне, пронзительный и изучающий. На миг наши глаза встретились, и я почувствовала, как нутро сжалось от ужаса.

Изба, куда меня поселили на ночь, была простой, но чистой. Пахло свежим хлебом и сушеными травами. На стене висел оберег из засушенных зверобоя и полыни, сплетенных в круг. Но мне было не до уюта. Я металась по избе, словно волчица в клетке, не зная, что делать. Нужно было поговорить с княжичем, отдать ему украденное. Сейчас же. Я выглянула в окно, убеждаясь, что возле избы никого нет, и тихонько приоткрыла дверь... А затем остановилась у порога.

Но что сказать? Сказать, что кулон просто нашла? Но он наверняка знает, что это не так. Он ведь не дурак.

Снова и снова прокручивала в голове разные варианты,

но ни один не казался мне верным. В голове был хаос, чувства кипели, как котел ведьмы. Тошнота подступала к горлу. Если я все расскажу, он может мне не поверить, или хуже – разозлиться и на кол отправит. А если солгу, он узнает правду рано или поздно.

Я сняла сапоги и откинула их в угол. Босиком по холодной, влажной земле ходить – вот, что сейчас успокаивало меня. Холодный пол сменился внутренним теплом. Босые ноги – это единственное, что напоминало о лесе, где я была свободна. Дышала глубже, пытаюсь унять дрожь в руках.

– Нужно идти. Сейчас. Прежде, чем я окончательно струшу.

За порогом избы стояли дружинники Ярослава. Он был осторожен, это радовало, но усложняло мою задачу. Придется пробираться тайком.

Луна выкатилась из-за туч, освещая покосившиеся избы и узкие улочки деревни. Я, словно тень, скользила вдоль стен, стараясь держаться в темноте. Босые ноги, привычные к земле, почти бесшумно ступали по траве. Легкий ветерок трепал мои волосы, унося тревоги и сомнения. Порой мне казалось, что я чувствую запах надвигающейся беды, она висела в воздухе, как густой туман.

Обойдя дозорных, я подошла к избе, где поселили Ярослава. Постучать в дверь? Или попытаться проскользнуть внутрь незаметно? Выбор был не велик, но решение пришло само. Тихонько прижавшись к стене, я прислушалась. Внут-

ри что-то плескалось. Запах пихтового масла щекотал ноздри, перебивая тревожные предчувствия. Купель? Неужели он решил искупаться после дороги, а не лечь сразу спать? Ведь от Старгорода путь был не легкий.

Я осторожно взялась за щеколду и тихонько потянула дверь на себя. Дверь отворилась, и я шагнула в темный проход. Осторожно ступая босыми ногами по полу, я прошла вглубь избы. И тут лунный свет упал на... Ярослава.

– Неужели судьба решила снова свести нас вместе, Зорьна?

– Откуда...

– Горчак назвал тебя так, когда разгонял по домам.

В маленькой избе, где его поселили, было душно от горячей купели, и в воздухе витал густой запах пихтового масла. Ярослав стоял передо мной, полуобнаженный, вытирая полотенцем свои светлые волосы. Я видела мужчин и раньше, поэтому его нагота не вызывала во мне ни смущения, ни трепета. Только лёгкое волнение и сосредоточенность на главной цели – разговоре. Ярослав подался вперёд, вытирая руки полотенцем. Капля воды скатилась с его волос на мою руку. Горячая, как расплавленный металл. Я вздрогнула – от неожиданности или от того, как его пальцы ненадолго задержались на медальоне, едва коснувшись моей кожи...

– Боишься? – он приподнял бровь, но не убрал руку.

– Того, что ты княжич? Или того, что украла твою бездельшку? – я нарочно оскалилась, пряча дрожь в голосе.

– Того, что мне нравятся воры, – усмехнулся он. – Особенно с серпами у пояса... Так и что привело тебя ко мне посреди ночи? – Повторил он, бросая полотенце на лавку. В его голосе звучала скорее забава, чем гнев.

– Я хочу поговорить. – Ответила я спокойно, не отводя взгляда, стараясь унять предательскую дрожь в голосе.

Ярослав усмехнулся и подошел ближе.

– О, это интересно. И о чем же? Неужели о том, как ты оказалась в этой богом забытой деревне именно в тот момент, когда здесь орудует лихо? Или, может быть, о том, откуда у тебя этот кулон с родовым гербом моего рода? – Он указал на украшение у меня на шее, и его глаза лукаво блеснули. – Или о том, как мы с тобой повстречались в Старгороде? Вспоминаешь, как я помог тебе сбежать с рынка? – Его взгляд стал жёстче. – Что же ты там натворила, Зоряна? За что за тобой так гнались?

Он остановился почти вплотную ко мне, и я едва не почувствовала, как бьётся его сердце. Запах пихтового масла и свежести окутывал меня, и его присутствие давило своей силой. Но я не отступила. Вблизи он казался еще выше и сильнее. По груди стекала вода с пшеничных волос. Я посмотрела на украшение у себя на шее, прежде чем снять.

– Забери свою безделушку, княжич. Больно то нужна она мне. – Проворчала я так, будто не сама сюда пришла, чтобы его отдать. Ярослав усмехнулся, но отверг протянутую мной руку с его вещью.

– Оставь себе, Зоряна. Судя по твоему виду, тебе она действительно нужнее, чем мне. Да и забирать что-то у девушки, у которой на поясе висит серп, страшновато. Тебя поэтому на рынке схватить хотели? Угрожала поди кому?

– Нет. Ведьмой прозвали, – ответила я, не опуская глаз. Кулон надела обратно на себя, даже не смущаясь. – И хотели сжечь.

– Ведьмой? – Ярослав приподнял бровь. – И ты не возражала?

– А какой смысл? Если люди решили, что ты ведьма, никакие оправдания не помогут.

– Ай, ладно, это все городские сплетни. Не похожа ты на ведьму. Ты мне лучше скажи: что такая красивая девушка забыла в Верескове? – Его лицо исказила широкая самодовольная ухмылка.

– Я ищу чудовище.

Ярослав приподнял бровь ещё пуще прежнего.

– Ты? Ищешь чудовище?

– И я пришла к тебе предложить союз, – сказала я, глядя ему прямо в глаза. – У нас одна цель, княжич. Так почему бы не объединится?

– Союз? – Ярослав рассмеялся, но в его голосе звучало скорее удивление, смешанное с восхищением её смелостью. – Ты, видно, очень смелая девушка, Зоряна. Но союз с тобой? Я ведь ничего не знаю о тебе. Кто ты такая? Откуда ты пришла? Почему я должен тебе верить?

Я покачала головой.

— Это неважно. Важно то, что я знаю об этом месте и о том, что здесь происходит. И я готова поделиться своими знаниями с тобой, если ты примешь мой союз.

— И что же ты знаешь?

— Здесь что-то нечисто. В лесу бродит нечто опасное и жители деревни что-то скрывают, — я вспомнила косые взгляды, обрывки фраз, и то, как быстро они замолкали при моем появлении. — И я почти уверена, что это не просто зверь и даже не упырь чернобоговый.

— Почти уверена? — Ярослав прищурился. — И на чем основаны твои догадки?

— На том, что я видела и слышала. Здесь смердит ото всех ложью: Вересковцы пытаются от меня скрыть, кто же там в лесу. И я думаю, что мы имеем дело с чем-то гораздо более зловещим, чем обычный волк. Да и волков здесь слишком много. Даже в деревне их не боятся.

— Волков всегда было много в этих краях. Это обычное дело.

— Может быть. Но сегодня я слышала, как дети поют песенку. О волколаке. Они говорили, что это и есть то чудовище, которое убивает людей в лесу.

Ярослав рассмеялся.

— Волколак? Зоряна, ты слишком доверчива. Неужели ты веришь детским сказкам?

— Я не знаю, — ответила я, пожав плечами. — Но я привыкла

доверять своим инстинктам. И мои инстинкты говорят мне, что в этой деревне происходит что-то странное. И что это связано с волками и с этой песенкой о волколаке.

Ярослав перестал смеяться и посмотрел на меня серьезно.

– Хорошо, – сказал он. – Допустим, ты права. Допустим, здесь действительно происходит что-то странное. Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю начать расследование, – ответила я. – Вместе. Мы должны узнать, что скрывают жители деревни и что бродит в лесу. И если это действительно волколак, мы должны его остановить.

Ярослав нахмурился.

– Волколак... Слышал я об этом создании... Слышал, что волколаком можно стать только по своей воле. Говорят, будто душа человека сама выбирает этот путь, ради мести или власти. Настоящий волколак – это не просто зверь, это чудовище, которое не знает пощады. Его трудно убить, его укус смертелен. Но я не верю в детские сказки. Нужно поговорить с Горчаком. Возможно, в деревне недавно случилась трагедия, кто-то умер от горя или злости. Волколаком ведь становится тот, кто полон ярости, не так ли?

– Не только, – возразила я. – Я слышала и о проклятиях. О людях, которые были прокляты и вынуждены превращаться в волков. Оно может быть наложено случайно, из-за зависти или злости, а может быть сделано намеренно, с помощью темных ритуалов. Так что, княжич, иногда превращение в

чудовище случается и против воли.

– Проклятия? – Ярослав скептически приподнял бровь. – Ты хочешь сказать, что в этой деревне кто-то проклят? А главное: что здесь есть тот, кто наложил это проклятие?

– Очевидно да. Милана, жена Горчака, рассказала мне о том, что их донимает его бывшая, Милица. Даже ведьмой её назвала. Говорит, хотела ребенка их нерожденного погубить. Милана говорила, что после её визитов у неё живот каменел и кровь шла, словно кто-то пытался вырвать ребёнка из её утробы. И что эта бывшая, словно тень, преследует их повсюду, не давая покоя.

– Тебя тоже ведьмой кличали. – Заметил княжич, скрестив руки на груди. – И что? Думаешь, каждая девушка, которую так нарекают, является ею? Ведьмы существуют, я не спорю. Но не каждая сварливая баба, что варит зелья из трав, является колдуньей, способной превратить человека в зверя. Здесь нужна настоящая сила, знание и... злоба.

– Может, и так, – задумчиво ответила я, вспоминая всё, что знала. Разговор Милицы и Горчака. Но казалось, девушка не была злой на него, наоборот. – Но всё-таки надо ещё раз поговорить с жителями. Может, с тобой, как с княжеским сыном, они будут поговорчивей.

Ярослав задумался на мгновение.

– Ладно, – сказал он наконец. – Давай начнем с Горчака. Я поговорю с ним завтра утром. А ты... что ты будешь делать?

– Я буду собирать информацию, – ответила я. – Хочу схо-

дить в лес и осмотрется. Своими глазами увидеть следы. Постараюсь узнать больше об этих странных волках и о том, что здесь произошло.

Ярослав улыбнулся. В его глазах читалось восхищение её смелостью и, возможно, лёгкое сомнение в моих способностях.

– Ты всегда так уверена в себе?

– Только когда знаю, что права, – ответила я, улыбаясь в ответ. – До завтра, княжич Ярослав.

– До завтра, не ведьма Зоряна.

Когда я уже выходила, его голос остановил меня:

– Как в лес соберешься – надень кулон.

– Почему? – я обернулась.

– Чтобы я знал, где искать, если волколак решит, что ты аппетитнее местных. – Его ухмылка не добралась до глаз. – Мне ещё нужен мой медальон.

Я проснулась от холода. В избе было зябко, несмотря на то, что солнце уже поднялось над горизонтом. Лучи света едва пробивались сквозь щели в стенах, рисуя на полу причудливые узоры. В избе пахло свежими блинами и сладким вареньем. Милана, наверное, позаботилась о завтраке с вечера. Я села на лавке, прислушиваясь к звукам деревни. Петухи кричали где-то вдалеке, слышался стук топора и голоса крестьян. Но в этих звуках не было жизни. Они были тихими и приглушенными, словно люди боялись говорить в полный голос.

На столе стояла крынка с молоком и тарелка с блинами, щедро политыми земляничным вареньем. Я с благодарностью посмотрела на эту еду.

— Милана, добрая душа. Неудивительно, что Горчак с ней. И что же там случилось между ней, Горчаком и Милицей? Вот бы узнать у кого.

Я вспомнила о вчерашнем разговоре с Ярославом. О его обещании поговорить с Горчаком. Я подошла к окну и выглянула на улицу. Княжич уже вышел из избы и уверенным шагом направлялся к дому старосты. В его позе чувствовалась решимость, а на лице читалась серьезность. Но почему Ярослав идет к старосте, а не к Горчаку? Я задумывалась об этом лишь мгновение, жуя блин.

Быстро проглотив пару блинов и запив их холодным молоком, я оделась, заплела тугую косу, надела на пояс серп и вышла из избы.

Деревня встретила меня неприветливым холодом и тишиной. Ветер пронизывал до костей, заставляя поежиться. Непонятно откуда взявшиеся снежинки больно кололи лицо.

— И снова этот ледяной ветер... Белая смерть всё ближе...

Улицы были пустынные, лишь кое-где виднелись плотно закрытые ставни домов. Казалось, будто все жители вымерли или спрятались в норы, боясь высунуть нос наружу. Проходя мимо домов, я чувствовала на себе чужие взгляды. Сквозь щели в ставнях за мной наблюдали. Боятся. Все боятся. Но чего? Ярослава и его дружины? Или более страшного, того,

что скрывается в лесу? Я шла быстрым шагом, стараясь не задерживаться на улицах Верескова. С каждым шагом мое беспокойство нарастало. Казалось, будто сама земля пропитана страхом и отчаянием. В воздухе висела густая пелена тревоги, словно перед грозой.

На окраине деревни я увидела несколько дружинников Ярослава. Они стояли возле конюшни, о чем-то тихо переговариваясь.

– Хладно тут, аж мороз по коже...

– Из-за неё поди, этой черноволосой с рынка... Ты видел же, как она вепря кинула?

– Угу! А княжич водится с ней, поди его заколдовала...

Заметив меня, они замолчали и проводили недобрым взглядом. Один из дружинников плюнул на землю. В их глазах я увидела неприязнь и подозрение. Они то явно верили тем слухам на рынке. Ярослав мог им приказать не трогать меня, но мысленно они всё равно сыпали проклятиями.

“Ведьма, ведьма, ведьма...”

Я ускорила шаг, направляясь к лесу. С каждым шагом деревья становились все ближе, а страх перед неизвестностью – все сильнее. Не встречались мне раньше волколаки, не знала я, как борются с ними.

Я вышла на опушку леса. Мгновенно стало тише и темнее. Деревья плотной стеной встали передо мной, заслоняя солнце. Холод усилился, ветер стих. Казалось, будто я попала в другой мир – мир тех, кто покинул нас. Сделав несколь-

ко шагов вглубь леса, я услышала волчий вой. Он доносился откуда-то издалека, но звучал зловеще и угрожающе. Волки. Снова эти треклятые волки! Я знала, что они где-то рядом. Они чувствуют меня. Чувствуют чужачку, что ступила на их территорию.

Я огляделась. В остальном лес был пуст и тих, но я знала эта тишина была обманчивой. В воздухе витала тревога, словно перед бурей. Я чувствовала себя незваной гостьей в этом месте. Как и в любом другом.

Внезапно мой взгляд упал на дерево. На коре виднелись глубокие отметины от клыков. Волчьи клыки. Я провела рукой по шершавой коре. Под пальцами ощущались обрывки грубой серой шерсти. Сердце бешено заколотилось в груди. Я пригляделась внимательнее и увидела на земле следы. Следы лап, перемешанные с бурыми пятнами крови. Кровь. Свежая кровь. Значит, здесь недавно кто-то был. И кто-то пострадал.

Вдруг в ноздри ударил дух смрадный. Сладковатый, приторный, словно мед с гнилью смешали. Дух смерти. Дух тления. Меня передернуло, словно от мороза. Зажала я нос рукой, пытаясь понять, откуда тянет этой мерзостью. Смрад все крепчал, манил и отталкивал разом. Ступала я тихо, словно тень, стараясь следов не затоптать.

Вскоре открылось моим очам зрелище, от коего кровь в жилах заledenела. Меж сосен, в ямине небольшой, лежало тело людское. Вернее, то, что от него осталось. Извержен-

ное, разорванное на части. Кровь на траве запеклась, словно смола черная. Куски мяса разбросаны были вокруг, словно зверь, насытившись, кости бросил птицам на радость.

Не могла я очей отвести от той жути.

Лицо... лицо его было изуродовано до неузнаваемости. Очей не было, лишь черные ямы зияли. Кожа на лице и шее разодрана когтями, будто пашню вспахали. Грудь распорота, и из раны торчали ребра, словно хворост сухой. Нутро вырвано и разбросано вокруг. Одежда в клочья разорвана, но по обрывкам ткани узнала я цвета, что носил один из мужиков вересковских. Видала его вчера.

Я нащупала на поясе рукоять серпа. Теперь я была уверена: это не просто зверь. Здесь, в этом проклятом лесу, бродит волколак.

Шла я обратно к Верескову, торопясь, как на пожар. Не страх гнал меня, а жгучая решимость. Нужно было поведать князю Ярославу о увиденном в лесу, чтобы до захода солнца покончить с тем зверем.

Миновав опушку, вздохнула вольно – полегче стало на душе. Несмотря на гнетущую атмосферу Верескова, а все ж таки уют после лесной жути. Но не успела и шагу ступить, как уши обожгло плачем неистовым. Замерла я, словно громом пораженная, ухом ловя. Плач тот из хаты Милицы доносился. Тревога душу объяла:

– Что-то стряслось с ней?

Припустила я бегом к хате Милицыной. Чем ближе под-

бегала, тем горестнее становился плач. То не слезы то были, а вопль надрывный, словно самую жизнь из человека вырывали.

Подскочив к избе, распахнула дверь, не постучавшись, и в горницу вошла. И тут же словно обухом по голове получила. Милица, вся в слезах и с растрепанными волосами, бросилась ко мне, словно зверь раненый, и закричала:

– Уходи! Уходи! Зачем ты в Вересков пришла?! Жили мы тихо, не тужили, а тут явилась ты, все разворошила! С княжичем тут всё нам счастье испортили! Я им подозрения свои сказала... А они, дружинники его треклятые... Старосту тут то и схватили! А Горчак, сын его, за батюшку вступился – теперь сам кровью истекает! Не надо нам правды такой вашей! Не надо нам защиты!

Я опешила.

– Милица, да что с тобой? Что со старостой, с Горчаком? И при чем тут я? Ты хоть сама понимаешь, что говоришь? – пыталась я ее перекричать. Но Милица словно не слышала.

– Не прикидывайся дурочкой! Все ты знаешь! Все это ты наворотила! Пришла тут, как воевода, и давай на всех подряд кидаться! На Старосту нашего накинулась, как коршун на цыпленка, а теперь из-за него и Горчак страдает! – голос ее звенел от отчаяния и гнева.

Я попыталась ухватиться за ниточку разума в этом хаосе.

– Милица, погоди, дай хоть слово сказать! Я не знаю, что там происходит-то со старостой и Горчаком... И тем более... Горчак то... муж Миланы. Почему тебя так его судьба вол-

нует, а? Ты должна уже забыть его! – выпалила я, и тут же почувствовала, как словно лед в горнице разлился. Милица замерла, словно каменная, а в глазах ее плеснулся такой страх, что меня саму пробрало.

Вдруг ее лицо исказилось гримасой боли.

– Люблю... люблю его всем сердцем, понимаешь? Всем сердцем! И неважно, что он с Миланой сейчас. Для него первой и единственной всегда буду я! Всегда! – прошептала она, словно в бреду.

В этот момент словно пелена спала с моих глаз. Милица была готова на все, чтобы вернуть Горчака. Даже на самую страшную мерзость.

Я похолодела.

– Милица... да что ты такое говоришь? При чем тут твоя любовь и то, что сейчас происходит? Горчак ранен, а ты... – я осеклась, не зная, что сказать.

Милица, словно очнувшись, посмотрела на меня мутным взглядом.

– Я... я ничего не делала! Клянусь! Просто... сердце болит за него. Он же... он же мне как родной... – ее голос снова сорвался на плач.

– Как родной?! Да он муж другой женщины! Милица, не морочь мне голову! Что здесь творится?! – я повысила голос, чувствуя, как во мне закипает злость.

Милица зарыдала в голос, закрыв лицо руками.

– Не знаю... ничего не знаю! Просто... боюсь за него! Бо-

юсь, что с ним что-то случится! Он же... он же... — она не могла закончить фразу, захлебываясь слезами.

Я подошла ближе и схватила ее за плечи.

— Милица, успокойся! Говори толком! Почему ты винишь во всем меня, княжича, дружинников его в конце концов!? — я трясла ее, пытаюсь привести в чувство. Но после, увидев что это не возымело эффекта, я пощечину ей дала звонкую. Да такую, что Милица тут же в себя пришла. Она всхлипнула и посмотрела на меня заплаканными глазами. Отпечаток руки алым пламенем краснел на её щеке.

— Княжич утром ходил по домам, спрашивал... И я сказала, правду да и только... Что я видела... Я видела, как Староста... каждую ночь в лес уходит... с кем-то из наших... — прошептала она, словно боясь, что ее услышат.

Я нахмурилась.

— Скажи толком: что ты видела? — я допытывалась, чувствуя, как в душе зарождается нехорошее предчувствие.

Милица закусила губу и отвела взгляд.

— Не знаю... не знаю... Темно было... Но Староста... он всегда первый идет, за собой в лес зовет... А за ним кто-то из мужиков... иногда бабы... А потом крики из леса доносятся, да вой волчий, аж кожа холодеет... И потом лишь останки их находят, разодранные в клочья... А староста то каждое утро из леса целёхонький выходит... — ее голос дрожал от страха.

Я отпустила ее плечи и отступила на шаг.

— И ты ничего не сказала? Никому из жителей не расска-

зала? – спросила я, пораженная ее молчанием.

Милица покачала головой.

– Боялась... Кто мне поверит? Староста у нас уважаемый человек... а я... я кто такая? Бывшая подружка Горчака? Люди ведь что подумают: зло наговариваю на старосту, чтоб Горчаку больно сделать, а я люблю его... Люблю нещадно! – прокричала она, снова заливаясь слезами.

Я молчала, переваривая услышанное. Староста, уходящий в лес по ночам с жителями... Я толком то его и не видела и не говаривала с ним, лишь с Горчаком дело имела. Но если это правда... То это могло объяснить все, что происходило в Верескове. Выходило, что староста и есть волколак.

Я посмотрела на Милицу, все еще дрожащую от страха и слез. В ее глазах я увидела не только любовь к Горчаку, но и глубокий, животный страх. Она действительно боялась. Но её слова... Что-то в меня них насторожило, чего я пока не могла уловить. Да, всё складывалось: староста, волки, люди в лесу... Но что-то было такое, что никак не хотело укладываться в эту картину. Вся эта история Верескова мне не давала покоя.

– Спасибо, Милица... – тихо сказала я.

Я вышла из избы, оставив Милицу в одиночестве со своими слезами и страхами. В лицо задул ледяной ветер со стороны леса, который, казалось, шептал мое имя, преследуя меня с самого детства. И вот, этот зов настиг меня и в Верескове. Я ощутила на себе чей-то пристальный взгляд со сто-

роны сгустившихся елей...

– И всюду снег... И всюду смерть... – шепот, от которого по спине пробежали мурашки.

Я обернулась в сторону леса, но как обычно, там никого не было.

Глава 6. Волчья пасть

Волколак – существо, чья душа навеки расколота между человеческим разумом и звериной яростью, между сознанием и инстинктом. Проклятие, выкованное в холодном свете луны, словно железная клетка, запирает человека в шкуру хищника, обрекая его на вечную борьбу с самим собой. В ночи, когда луна восходит над горизонтом, зверь внутри просыпается, и человеческая воля слабеет, уступая место неутолимой жажде крови и неконтролируемой ярости. Он – тень самого себя, преследующая мирных жителей, словно кошмар наяву.

Он помнит, кто он был, помнит лица близких, помнит свою жизнь... Но с каждой новой луной воспоминания меркнут, а звериные инстинкты становятся все сильнее. Он борется, отчаянно цепляясь за остатки человечности, но проклятие неутолимо, и с каждым восходом луны он все больше погружается во тьму.

И лишь смерть, дарованная с милосердием, может принести ему долгожданное освобождение от вечных страданий, разорвать оковы проклятия и вернуть его истерзанную душу в мир иной, где, возможно, его ждет прощение и покой.

Солнце клонилось к закату, румяня небо. Холодный ветер гулял по деревне, завывая, словно волк, и стекла в избе дрожали. Я не могла выкинуть из головы слова Ярослава.

– Не ведаешь ты, Зоряна, что случилось... – начал он, глядя в пол, словно там искал ответ. – Едва я успел отдать приказ, как они накинулись на старосту. Словно обезумели. Схватили его, повалили наземь, начали пинать... Я и глазом моргнуть не успел.

Я видела, как дрожат его руки. Ярослав, княжич и храбрый воин, был потрясен жестокостью дружинников. И как он в таком случае мог им доверять? Как я могла жить дальше, зная, с каким недобрым взглядом они провожают меня. Всё это не предвещало ничего хорошего.

– Лишь Горчак их остановил, – продолжил он. – “Нельзя так, без суда!” – кричал он, заслоня собой старика. Благородство в нем видно, но чую я, не все тут чисто. Слишком уж вовремя он оказался рядом.

Ярослав поднял на меня взгляд, полный сомнений, словно небо перед грозой.

– Что творится в этой глуши? – тихо спросил он.

Я вздохнула.

– Я была в лесу... И там видела там такое... – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – А после была у Милицы. Она не в себе, это точно. Говорила, как любит Горчака и готова ради него на всё. Не знаю, странно здесь, княжич, странно...

– И ведь это именно Милица сказала нам, что видела ста-

росту. И глаза у неё были пусты тогда, а голос дрожал.

– Слишком много странностей. Надо убедиться своими глазами во всём.

Ярослав помолчал, словно раздумывая. Затем кивнул:

– В таком случае предлагаю отправиться в лес ночью и за всем проследить. Но до этого... Заря, скажи мне правду. Что на самом деле тобой движет? Почему ты так рьяно взялась за это дело? Не княжеская воля ведет тебя, так что же?

В его голосе прозвучало что-то новое. Не только подозрение, но и... интерес? Я поймала себя на том, что изучаю его лицо, пытаюсь разгадать, что скрывается за его словами. Его взгляд был пристальным, проницательным. Казалось, он видел меня насквозь. Я почувствовала, как щеки слегка покраснели, и поспешила отвести взгляд.

– А ты, княжич? Неужели тебя действительно заботит судьба сельских жителей? – ответила я, смотря ему прямо в глаза. – Или тебе просто скучно в княжеских хоромаш? И ты ищешь новых развлечений?

Ярослав усмехнулся, и в его глазах промелькнул огонек.

– Может быть, я ищу не только развлечений, – сказал он, глядя на меня с прищуром. – Может быть, я ищу... что-то более интересное.

– Например?

– Например, отважную и загадочную ведьму, которая не боится смотреть в глаза опасности. Которая гонится за волколаком, имея при себе лишь серп.

Его слова прозвучали как вызов, и я не могла не ответить на него.

– Ведьму? Ты же говорил, что я не похожа на них.

– А как же по твоему ты смогла привлечь мое внимание? Разве не колдовством?

Я усмехнулась наглости княжича. Но наверное, многие девушки были готовы всё отдать, лишь бы он посмотрел на них. Это заставило меня горделиво приподнять подбородок.

«Глупо, конечно, но от его слов внутри потеплело – будто глотнула горячего мёду»

– Не лсти себе, Ярослав, – ответила я, стараясь сохранить невозмутимый вид. – Я не из тех, кто ведется на красивые слова. – Я усмехнулась. – Неужели, вас действительно волнует судьба этого захоlustья? Вы, княжич, и о крестьянах печётесь?

Ярослав нахмурился, но быстро взял себя в руки.

– В моей семье... было всякое. – Княжич вздохнул, и в его взгляде мелькнула тень. – Отец говорит, что князь должен заботиться о своих людях. Правда, сам он давно перестал следовать своим словам, сидит на троне да за корону боится. Ну и братья мои, конечно... Один мечтает о славе, как мастер хитросплетений, другой о власти, только вот проводит всё время на пирах. И никто не хочет думать о простом народе, о благополучии.

– Но разве вы наследник? Я слышала, что вы средний княжич.

– Всё так, Зоря. Старшего зовут Всеволод, его отец и готовит на своё место. Но мне... Мне важно, чтобы все было хорошо в Волынском княжестве. И для этого я готов на многое...

Его слова заставили меня задуматься. На что же такое был готов княжич, чтобы достичь благополучия? Неужто обойти каждое поселение и убить там всех чудовищ?

– А вообще, я и не пытался тебя очаровать, не ведьма, – Ярослав поменялся в лице, из задумчивого в серьезного. – Я просто говорю то, что вижу. И то, что чувствую. Ты действительно заинтересовала меня.

В его голосе звучала такая уверенность, что мне на мгновение показалось, что я слышу биение его сердца.

– Ночью в лесу тебе придется доказать, что ты действительно такая, какой кажешься. Неведьма.

– Я докажу, – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – И тебе, и всем остальным.

Наступила тишина. Мы смотрели друг на друга, и я чувствовала, как между нами искрит напряжение. Но теперь это было не только напряжение недоверия, но и что-то другое... Что-то, что заставляло мое сердце биться быстрее.

– Тогда договорились, – сказал он, наконец. – Ночью мы идем в лес. И посмотрим, кто чего стоит.

Мы вышли из избы. Трава шуршала под ногами, как будто лес сам предупреждал о нашем приближении. Ветер пронизывал до костей, несмотря на теплое время года. Ярослав

шел рядом, молчаливый и сосредоточенный. В его глазах читалась решимость, но я чувствовала напряжение, словно он готовился к худшему.

До опушки леса мы добрались, стараясь ступать как можно тише, словно крадущиеся тени. Каждый скрип ветки, каждый шорох в кустах казался предостережением. Наконец, мы достигли огромного валуна, поросшего мхом. Он возвышался над землей, словно древний страж, охраняющий вход в чашу.

За валуном было достаточно места, чтобы укрыться от посторонних глаз. Мы присели, прижавшись к холодному камню. Ветер свистел между деревьями, разнося по лесу тоскливые завывания. Ветки хлестали по лицу, но мы не двигались, стараясь не издать ни звука.

Время тянулось мучительно медленно. Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем ночь окончательно сгустилась над Вересковым. Луны не было видно из-за плотных облаков, и лишь редкие звезды пробивались сквозь пелену тьмы. Холод становился все более невыносимым, и я слышала, как стучали зубы Ярослава. Он обернулся ко мне, наблюдая за тем, как я спокойно сидела.

– Тебе не кажется странным, что сейчас так морозно? Я, кстати, даже снег днем видел.

– Да, странно. Ты и легко оделся, я смотрю.

– А ты, несмотря на сарафан, даже не мерзнешь. – С завистью проговорил Ярослав, кутаясь в рубаху.

– Я привыкла жить на улице и в более холодное время.

Ярослав хотел продолжить наш диалог, но я его остановила. Спустя, казалось, бесконечные часы ожидания, в доме Горчака зажегся тусклый свет. Затем дверь тихонько скрипнула, и на пороге появилась Милана. Она огляделась по сторонам, словно чего-то опасаясь, ее лицо было напряженным и встревоженным. Закутавшись в темный платок, она быстро зашагала в сторону леса, словно ее кто-то преследовал.

– Что она задумала? – прошептал Ярослав, сжимая мою руку так сильно, что я почувствовала боль.

Я не успела ответить. В следующее мгновение дверь дома Горчака снова открылась, и на пороге показался он сам. Он был бледен, как полотно, его лицо искажено болью и страданием. Он еле держался на ногах, словно его мучила какая-то страшная болезнь. Но взгляд его был устремлен только в одну сторону – вслед за Миланой. Преодолевая слабость, он тоже направился в лес, не разбирая дороги, словно ведомый какой-то неведомой силой.

Мы продолжали красться за Горчаком, словно тени, скользящие по заколдованному бору. Сухие сучья скрипели под ногами, словно старый леший ворчал, и каждый вдох ледяного ветра обжигал легкие морозцем. Ветки корявых берез и хмурых елей цеплялись за одежду, словно лесные духи пытались удержать нас от черного дела. Но мы шли вперед, ведомые каждый своей целью.

Наконец, Горчак вышел на небольшую поляну, окружен-

ную высокими елями, словно стражами, охраняющими вход в Тот мир. В центре поляны горел костер, яростно пожирая сухие ветки. Пляшущие языки пламени отбрасывали дрожащие тени на лица Горчака и Миланы, искажая их черты и придавая им лики лесных бесов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.